И один в тайге воин

Автор:
Ерофей Трофимов

И один в тайге воин

Ерофей Трофимов

Боевая фантастика (АСТ)Старатель #3

Вроде всё получается, и он даже сумел заслужить среди местных какое-то уважение. Даже своя семья появилась. Вроде бы живи и радуйся, ведь у него теперь есть всё, о чём только может мечтать обычный человек, но снова, как и всегда, в жизненные планы вмешивается проза жизни. Война, которую он ждал, началась, а вместе с нею начались и новые проблемы…

Ерофей Трофимов

Старатель. И один в тайге воин

Цикл Ерофея Трофимова

СТАРАТЕЛЬ

Еще один шанс

Дикая война

И один в тайге воин

© Ерофей Трофимов, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Ерофей Трофимов

Родился в Баку в 1966 году. После службы в армии пять лет проработал на Крайнем Севере. В девяностых годах, как и большинство российских граждан, сменил много профессий. В 2007 году закончил вечернее отделение юридического факультета. Активно занимается литературой с 2008 года.

* * *

Оглашение императорского указа пришлось на раннюю весну тысяча девятьсот первого года. Услышав, что Российская империя получила ноту об объявлении войны от Японии, народ заволновался, а после принялся усиленно чесать в затылках. По всему выходило, что правительство опять поднимет налоги, а купцы примутся вздувать цены. Придя к такому выводу, мужики принялись дружно вынимать свои кубышки и отправились закупать самое нужное. Муку, охотничий припас, соль, свечи, спички и тому подобную мануфактуру.

Внимательно выслушав императорский указ, Мишка протолкался к стоявшему на краю площади уряднику и, поздоровавшись, тихо спросил:

– Не подведёт приятель ваш, дядя Николай?

– Не посмеет, – посуровев лицом, тихо прогудел толстяк. – А ежели чего, я его со свету сживу.

– А чего так сурово? – не сдержал Мишка любопытства. – Вроде не самый вредный элемент в посёлке.

– Не самый, да только жаден бывает не в меру, – ушёл от прямого ответа урядник. – В общем, ты за него не думай. Главное, чтобы было чем ему товар оплатить.

– За то не волнуйтесь. Деньги есть, – отмахнулся Мишка, попутно обдумывая, как бы перелить в слитки ещё некоторое количество шлиха, намытого за прошлое лето.

Заниматься этим делом дома он совсем не хотел. Благо на заимке всё давно уже настроено и подготовлено для данного процесса. Да и случайных глаз там гораздо меньше. Танюшка хоть и подросла, а всё одно ещё ребёнок. Любопытный и наивный. Сунет свой носик куда не надо, а потом по простоте душевной подружкам проболтается. И пойдёт гулять слух по посёлку. И хотя живут они в станице уже два года, а всё одно лишнего внимания будет не избежать.

Да ещё и Настя, став законной женой, начала иногда проявлять гонор, то и дело вмешиваясь в дела, которые её совсем не касались. Хорошо, Глафира, видя, как каменеет у Мишки лицо, мигом приводит её в чувство. Что ни говори, а получение официального статуса влияет на женщину не самым лучшим образом. К этой мысли парень пришёл после первого семейного скандала, который Настя попыталась ему закатить, когда он собирался ехать на заимку в очередной раз.

Вспомнив, как, сорвавшись тогда, он рявкнул на молодую супругу так, что на столе чашки брякнули, Мишка скривился и, вздохнув, проворчал себе под нос:

– Вот так и приходят к мысли о вожжах.

Встряхнувшись, парень осмотрелся и, припомнив, что приехал на торг не за указами, а за охотничьим припасом, решительно зашагал в сторону фактории. Свинец, порох и капсюли. Вот что ему сейчас было нужно. Остальное может подождать. Шагая по весенним лужам, парень снова погрузился в воспоминания прошедшего года. Свадьбу отгуляли весело. Чтобы разрешить все организационные вопросы, было решено устроить застолье в трактире постоялого двора.

Гостей намечалось столько, что никакая изба не вместит. Три дня вся станица гудела, как трансформатор. Атаман, обрадовавшись счастливому разрешению проблемы, не поскупился, устроив загул в лучшем купеческом стиле. С песнями, плясками и даже мордобоем. А спустя четыре месяца Настя огорошила Мишку известием, что он скоро станет папой. Но перед этим было ещё много всего. Понятно, что шла элементарная притирка характеров, но всему же предел есть.

Мишка и раньше не сильно готов был отчитываться перед кем-то за свои действия, а уж теперь, став полноправным хозяином в собственном доме, тем более. Глафира, пользуясь всеми правами свекрови, принялась воспитывать Настю так, что только пух летел. Делалось это с шутками, ласково, но у парня создавалось впечатление кулака в бархатной перчатке. Настя же, регулярно огребая от неё, прибегала к Мише мириться, после чего всё постепенно возвращалось на круги своя.

Сам парень старался во все эти дела не сильно влезать. Других проблем хватало. Эту троицу нужно было одеть, обуть и прокормить. Так что забот у него было выше головы. А тут ещё на границе что ни день вспыхивали стычки и перестрелки с хунхузами. Бандиты словно взбесились, делая всё, чтобы обострить отношения с империей. Вся эта катавасия не могла не сказаться на обитателях тайги. Мишка сам был свидетелем того, как зверьё начало мигрировать подальше от беспокойных мест.

Первыми снялись с места копытные. За ними потянулись хищники. В итоге в предгорьях, где ареалы обитания давно уже были поделены, начали вспыхивать схватки за территорию. Мишкин сосед, молодой медведь, благополучно поправившись после своего приключения с капканом, уже трижды вступал в драку с более крупными пришельцами своего вида, но каждый раз топтыгину везло, и он выходил победителем, прогоняя незваных гостей.

Поговорив с хантами, Мишка устроил на хищников большую охоту, быстро выбив основную массу росомах и волков. Медведи – звери, изначально живущие одиночками, поэтому с ними особых проблем не возникало. После отстрела двух пришлых самцов в предгорьях, на территории заимки установилось спокойствие. Остальные хищники, быстро сообразив, что тут им не рады, откочевали дальше в тайгу. В общем, всё вернулось в нормальное русло. Даже нахальная юная самочка горностая, поселившаяся на чердаке его избы, вывела детенышей, и маленькие любопытные зверьки принялись расселяться по всему кедровнику.

И вот теперь грянуло. Споткнувшись о какой-то камень на дороге, Мишка очнулся от своих мыслей и, ополоснув сапоги в корыте у крыльца, поднялся по ступеням. Толкнув дверь, он вошёл в торговый зал и, осмотревшись, решительно направился к прилавку, где было разложено всё для самостоятельного снаряжения патронов. Увидев его, приказчик передал своего клиента продавцу и, обойдя прилавок, вежливо поздоровался с парнем. Ответив, Мишка принялся перечислять всё, что ему было нужно.

Неизвестный, задумчиво крутивший в руках охотничье ружьё, удивлённо оглянулся и, рассмотрев, что приказчик оставил его ради какого-то подростка, возмутился:

– Милейший, это как понимать? Я ещё не ушёл.

– Так вы, сударь, думать изволите, – развёл приказчик руками. – А пока вы думаете, я дело сладить успею.

– Вы что себе позволяете?! – неожиданно завёлся неизвестный. – Я дворянин, и не потерплю к себе подобного отношения. Извольте вернуться и обслужить меня как положено.

– Да бога ради, сударь. Ружьё сие восемь рубликов стоит. Изволите уже оплатить? – с невинной физиономией отозвался приказчик, но Мишка ясно расслышал в его голосе издёвку.

– Я ещё не знаю, какая у него кучность, – с видом знатока отозвался неизвестный.

– Средняя, сударь. Как у всех обычных ружей, – нашёлся приказчик. – Это ж не винтовка. А ежели желаете что-то особое, то за таким оружием нужно в столицу ехать. Или в Москву. А ещё лучше – в мастерской заказывать.

Слушая эту перепалку, Мишка с интересом присматривался к неизвестному. С первого взгляда было видно, что подобные советы для него сродни откровенному издевательству. Одет был неизвестный добротно, но явно не в новое. Платье носилось давно, хоть за ним и ухаживали, но следы носки были заметны. В общем, слова приказчика можно было счесть изощрённой насмешкой. Сообразив, что выглядит смешно, мужчина насупился и, бросив оружие на

прилавок, решительно направился к Мишке.

– Ты кто такой есть? – спросил он, подходя вплотную.

– Промысловик местный, – ответил Мишка, разворачиваясь к нему всем телом и дерзко вскидывая голову.

Как оказалось, неизвестный был на полголовы ниже ростом и гораздо уже в плечах. За прошедшее время парень здорово раздался и прибавил в росте, начиная матереть. Прибавить к этому костюм из тончайшей замши, подпоясанный расшитым кожаным поясом, мягкие короткие сапоги и пудовые кулаки с набитыми костяшками. В общем, местный франт и бретёр на сторонний взгляд. Наткнувшись взглядом на мрачный, пристальный взгляд парня, неизвестный стушевался и, покосившись на нож, висевший у Мишки на поясе справа, глухо спросил:

– В оружии разбираешься?

– Разбираюсь, – последовал короткий ответ.

– Посмотри ружьё. Стоит покупать или лучше другое поискать?

– В наших местах хорошее оружие очень дорого стоит. Ежели вам просто для развлечения, берите это. А ежели жить охотой хотите, то ищите другое, – помолчав, ответил Мишка.

– А у тебя самого какое? – последовал новый вопрос.

– «Зиг-Зауэр», немецкое.

– Это откуда ж такое?! – растерянно охнул мужчина.

– По случаю досталось. Подарок.

– Продай!

– Сказано же, подарок, – отрезал Мишка и, развернувшись, вернулся к делу.

Неизвестный, постояв на месте ещё минуту, круто развернулся и вышел из фактории. Проводив его фигуру краем глаза, Мишка качнул головой, про себя буркнув:

– Похоже, с этим гусём проблемы будут.

* * *

Очередной подъём по тревоге случился посреди ночи. Над спящей станицей прозвучал пронзительный сигнал рога, и во дворах сразу началась деловитая суета. К удивлению Мишки, у местных казаков давно уже была отработана система звуковых сигналов. Колокольный набат означал пожар и нападение на станицу. Выстрелы в воздух – срочный общий сбор с оружием. А сигнал рога – сбор по боевой тревоге. По этому сигналу все реестровые казаки выходили из дома с оружием и верхом, чтобы тут же отправиться к месту стычки.

Так что едва над крышами стих пронзительный хриплый вой, как начали хлопать двери и створки ворот, а по улице зазвучал топот копыт. Само собой, подскочил и Мишка. Моментально сообразив, что происходит, парень вручил тётке и жене по винтовке и отправил их присматривать за спящей малышкой, а сам, вооружившись, вышел на улицу. Проезжавшие мимо казаки одобрительно улыбались и вежливо здоровались. Из соседнего двора вышел атаман и, проводив станичников долгим, грустным взглядом, вздохнул:

– Стыдно казакам в глаза смотреть.

– А чего вам стыдиться, Сергий Поликарпович? – повернулся к нему Мишка. – Вы своё дело туго знаете. В станице порядок, казаки к вам со всем уважением и суд ваш без лишнего слова принимают. А что воевать не можете, так то не вина ваша, а беда. Да и рану свою вы не в трактирной драке получили, а в бою. Будь по-другому, круг давно бы вас с атаманов снял.

– Так-то оно всё так, – вздохнул казак, оглаживая бороду, – да только мне ведь самому стыдно. Атаман – это ведь не только по мирному времени командир. Это

ещё и в бою старший.

– Ну, для боя казаки себе толкового командира выбрали, – снова попытался успокоить его парень. – А вот споры по чести разобрать – это уметь надо. В бою всё проще. Тут свои, там враги. А когда соседи спорить берутся, до беды недалеко.

– Благодарствуй, Миша, – грустно улыбнулся атаман. – Твои-то все проснулись?

– Сразу, – кивнул парень. – Только Танюшка даже не почесалась, святая душа.

– На то и дитё, – понимающе усмехнулся казак. – Оружие приготовил?

– Сплю с ним, – усмехнулся в ответ Мишка.

– Добро. Сейчас сотня уйдёт, придётся нам с тобой охрану станицы затеять.

– Так я хоть сейчас. Всё своё с собой ношу, – ответил парень, качнув висевшим на плече винчестером.

– Ну, раз так, пойдём до околицы пройдёмся, – помолчав, неожиданно предложил атаман.

– Ждёте чего, Сергий Поликарпович? – насторожился Мишка.

– Пластуны наши пару раз на той стороне реки какие-то странные морды видели.

– Так может, есть смысл на нашем берегу секрет поставить? – тут же предложил Мишка. – Могу я пока посидеть. Только винтовку сменю и бинокль возьму.

– Рано ещё, – подумав, качнул атаман головой. – Вот часа через два, как сотня уйдёт, нужно будет посмотреть.

– Добро. Сделаю, – подобравшись, кивнул Мишка.

– А винтовку зачем менять? – вдруг спросил казак.

– Из этой только на улицах перестреливаться, – пустился в пояснения Мишка, снимая винчестер с плеча. – Перезаряжается быстро, но бьёт недалеко, хоть и точно. А другая у меня, считай, на версту дотянется.

– Это та, которую ты сам делал? – заинтересовался казак.

– Она, – кивнул Мишка. – Самовзвод. Десять раз на ту сторону реки выстрелю, и раз восемь точно попаду. Благо прицел оптический на неё как родной встал.

– Ох и мастер ты, Миша, – неожиданно проворчал атаман. – Это надо же удумать, из обычной винтовки такой самострел соорудить. Ты мне вот что скажи. А сколько винтовок ты так переделать сможешь, если остальное бросишь?

– Это смотря за какое время, – удивлённо протянул Мишка, уже догадываясь, к чему он клонит. – Ежели за год, то полсотни точно сделаю. А ежели за месяц, то не больше десятка.

– А чего не делаешь? – тут же последовал вопрос. – Казаки за такое оружие последние порты продадут, а купят.

– Рано ещё торговать ими, – покрутил Мишка головой. – Сначала её в бою испытать надо.

– Так ты ж из неё в прошлом годе почти всё лето на берегу палил. Неужто мало? – удивился казак.

– Мало. Просто палить – это одно. А в бою, не мне вам рассказывать, и ползать, и прыгать приходится. И грязь всякая на оружие летит. Так что сначала её как следует испытать надо, а потом уж и о продаже подумать можно.

– Тоже верно, – подумав, согласился атаман. – Но учти, первым делом винтовки свои станешь в станице продавать. Для нас такое оружие первое дело. А дальше уже как сам решишь. Уговор?

– Если казаки брать станут, – кивнул парень. – А то у нас ведь как? Предложи кому чего интересное, так он покрутит, повертит, похвалит, а потом со своим старым воевать пойдёт. Боятся у нас люди новой механики. Да и не только у

нас, – закончил он, вздохнув.

– Ага, как же, боятся, – фыркнул казак. – То-то твои маслобойки уже, почитай, во всех дворах стоят.

– Так то маслобойки, – рассмеялся Мишка. – Там всё просто и понятно. Да ещё и вкусно. А главное, от них жизнь не зависит. А тут оружие. Да ещё которое особого ухода требует. Ну не любит тонкая механика грязи. За такой винтовкой и пригляд другой нужен. Потому и хочу повоевать с ней. Пусть казаки своими глазами посмотрят, что она умеет. А потом уж и об остальном говорить можно будет.

«Не объяснять же тебе правила рекламной кампании», – закончил он мысленно.

– Ну, тоже правильно. Своими глазами увидеть – оно всегда полезнее, – подумав, кивнул казак.

За разговором они дошли до околицы станицы, и атаман, остановившись, принялся вглядываться в противоположный берег реки. В этом месте река делала поворот, и по течению можно было сплавиться на этот берег, не шевельнув вёслами. Река сама вынесет. Подбежавший к ним казачок лет десяти бодро доложил, что сотня выходит, и умчался, не дожидаясь ответа. Проводив его взглядом, Мишка только подивился про себя, как чётко тут была выстроена система оповещения.

Все мальчишки имели свои зоны ответственности и при объявлении тревоги неслись на указанные места. Там, получая поручения, они разносили их по адресатам. За атаманом было закреплено сразу три таких посыльных. Удобно. И суетиться не надо, и пострелята при деле. Заодно обучаются точно приказы исполнять. Не пристрой их к такой службе, сами куда-нибудь влезут.

– Пошли обратно, Миша. Надо к службе готовиться, – помолчав, скомандовал атаман. – Вот на излучине секрет с тобой и устроим.

– Да вы, никак, сами решили начать? – удивился Мишка.

– А что не так? – не понял атаман.

– Так не ваше это дело, Сергий Поликарпович, – тряхнул парень гривой. – Для того простых казаков хватит. Ваше дело командовать, а не шашкой махать.

– Знаю, – скривился атаман. – Да только тошно мне в избе сидеть да щёки надувать. Настоящего дела душа просит, – смущённо признался он.

– Тогда вы хоть скамеечку какую себе прихватите, чтобы ногу поберечь. А то случись чего, вам и не уйти будет, – осторожно посоветовал Мишка.

– Тоже верно, – подумав, нехотя согласился атаман. – Так и сделаю.

Они вернулись обратно, и Мишка, забежав в дом, быстро сменил оружие и патронташ. Делая свою полуавтоматическую винтовку, он сразу изготовил к ней десяток съёмных магазинов. Каждый на десять патронов. Принцип был взят от неплохо известной ему СВД. Вообще, во всей этой системе его больше всего беспокоили самодельные пружины. Слишком ненадёжные. Что ни говори, а толковых пружинных сплавов и сталей в этом времени ещё не было.

Приходилось экспериментировать и повышать толщину проволоки, из которой они изготавливались. В остальном же его винтовка почти повторяла знаменитую СВТ. Свободный затвор с боковым экстрактором, съёмный магазин и возможность установки оптического прицела. Заглянув в комнату к Танюшке, он шёпотом успокоил женщин и, убедившись, что с ними всё в порядке, поспешил на улицу, не забыв прихватить бинокль.

Атаман уже ждал его у калитки. С интересом покосившись на его новинку, казак только кивнул своим мыслям и, развернувшись, зашагал к околице. Спустившись к реке, Мишка быстро выбрал подходящее место для наблюдения и, усадив казака за стволом старой ивы, устроился чуть ниже в кустах, бросив на землю кусок овечьей шкуры, подшитой толстой кожей. Земля ещё была холодная.

Устроившись поудобнее, Мишка достал из чехла бинокль и, поднеся его к глазам, принялся всматриваться в противоположный берег, ища место, откуда удобнее всего было бы начать переправу так, чтобы не всполошить местных. Время приближалось к рассвету, и темнота сгустилась так, что рассмотреть что-то в подробностях было проблематично. Только тихая гладь реки просматривалась свободно.

Увлёкшись, Мишка и сам не заметил, как начало светать. И тут что-то странное царапнуло ему взгляд. Замерев, он медленно повёл биноклем в обратную сторону и, заметив какое-то шевеление, снова замер. Атаман оказался прав. На станицу готовилось нападение. На той стороне фигуры в знакомой одежде принялись сталкивать на воду лёгкие лодки навроде пирог и пару самодельных плотов, связанных из брёвен. Пересчитав бандитов, насколько это было возможно, парень зло усмехнулся. Прикрыв рот ладонью, Мишка повернулся туда, где оставил атамана, и негромко сказал, стараясь произносить слова внятно:

– Есть, Сергий Поликарпович. Переправляться собираются. Банда в полсотни рыл. Нужно казакам сообщить.

– Нешто, – прозвучало в ответ. – Стрельбу услышат, сами прибегут. Народ сейчас по другим местам в секретах сидит. Так что будем сами справляться.

«О как! – подумал про себя Мишка, быстро набивая магазины. – Похоже, тут всё давно уже отработано. Ладно. Сами так сами. Но выпускать эту сволочь нельзя».

Быстро набив все десять магазинов, он поднялся и, прихватив шкуру, на которой сидел, бесшумно скользнул к атаману. Присев рядом с ним, Мишка указал точное направление, откуда отчалили бандиты, и, подумав, предложил:

– Может, я дальше по берегу пробегу? Вы их тут встретите, а я тех, что последними пойдут, приму. В два огня мы их быстро окоротим. Да и до тех, что на том берегу остались, мне дотянуться проще будет.

– Хочешь всю банду взять? – моментально сообразил казак.

– А чего с ними цацкаться? – пожал Мишка плечами. – Чем больше сейчас уничтожим, тем проще потом казакам воевать будет.

– Ох и не любишь ты их, – качнул атаман головой. – Добро. Действуй. Только осторожнее там. Голову береги.

– Это само собой. Я в неё ем, – отшутился парень и бесшумно выскользнул из кустов.

Пробежав по берегу метров двести, выше по течению он нашёл подходящее место для стрельбы и, устроившись за поваленным кедровым стволом, снова достал бинокль. Теперь между ним и начавшими переправу бандитами было метров четыреста. До противоположного берега, точнее, до точки их отплытия, метров четыреста пятьдесят. Для его винтовки не самое дальнее расстояние. Но сама банда волновала его не сильно. Больше всего Мишка хотел дотянуться до тех, кто эту банду вёл и кто заказывал всю эту музыку.

Медленно смещая прибор, он пытался найти главного рукамиводителя, и спустя пару минут всё-таки нашёл. За кустами, чуть выше кромки воды, в лёгком раскладном кресле сидела странная фигура. Толком ещё не рассвело, так что рассмотреть её в подробностях у парня не было никакой возможности. Но для прицельного выстрела и этого было достаточно. Аккуратно убрав бинокль, Мишка скинул с прицела колпачки и, пристроив винтовку на ствол, тщательно прицелился.

– Решил полюбоваться, тварь? – еле слышно выдохнул парень, нащупывая прицелом неизвестного. – С того света виднее будет, – добавил он, плавно нажимая на спуск.

Винтовка рявкнула, ощутимо лягнув его в плечо, и спустя секунду неизвестный рухнул на землю вместе со своим креслом.

Тут же переведя прицел на шедший последним плот, Мишка выбрал самого богато одетого хунхуза и снова выстрелил.

* * *

– Ну, Миша, ты и учудил штуковину! – восхищённо прогудел в очередной раз атаман, вертя в руках винтовку парня. – Это ж надо?! Они даже до нашего берега не добрались. Всех положил. Ну стрелок!

– Да ладно вам, Сергий Поликарпович, – отмахнулся парень, забирая у него оружие. – Вам такое в руки – не хуже отработаете. Видел я, как вы на передней лодке повеселились.

– Не скажи, парень, – решительно возразил казак. – Пока я затвор туда-сюда дёргал, ты пятерых положить успевал. Нет, казаки, вы как хотите, а я себе такую винтовку заказываю. Слышь, Михаил? Мой тебе заказ. За деньгами не постою. И на сынов тоже, – чуть подумав, решительно заявил атаман, махнув рукой.

Вот тут Мишка малость завис. Он прекрасно помнил их разговор перед перестрелкой и совсем не ожидал такой реакции от этого опытного, выдержанного мужика. Похоже, качество и скорость стрельбы произвели на него неизгладимое впечатление, если он позволил себе такое расточительство. Все эти мысли промелькнули в голове парня, пока он с умным видом проверял свою винтовку. Понимая, что атаман ждёт ответа, Мишка кивнул и, вздохнув, твёрдо пообещал:

– Сделаю, атаман. По деньгам после поговорим.

– Добро, – кивнул казак, возвращаясь к насущным делам.

Их перестрелка с бандой привлекла внимание всего оставшегося в станице населения. Так что к концу схватки почти все женщины и подростки, способные носить оружие, уже были на берегу, готовые встретить любого агрессора со всем своим радушием. Среди прочих Мишка приметил и любимую тётушку. В длинной юбке, домотканой кофте, а поверх всего этого разгрузка с патронташами, и с винтовкой на плече.

«Валькирия Мценского уезда», – хмыкнул про себя Мишка, жестом подзывая её поближе.

– Танюшку на кого оставила, Аника-воин? – спросил он подошедшую женщину.

– Так Настя с ней. Да чего ей сделается? Спит так, что пушкой не разбудишь. Набегалась вчера, вот и сопит себе, – отмахнулась тётка.

– Мама Глаша, я понимаю, что женское любопытство страшнее голодного медведя, но совесть-то иметь надо. Сказано тебе было дома сидеть? Было?

– Ну, было, – потупившись, кивнул женщина.

– А ты где?

– Так стреляли, Мишенька.

– Угу. В тайге тоже стреляют. Завтра и туда побежишь? – фыркнул Мишка. – У тебя невестка на сносях и дитё малое в дому, а ты с винтовкой по кустам рысачишь. Брысь домой, пока не осерчал, – рыкнул Мишка, внутренне корчась от смеха. – Самовар поставь, – добавил он ей вслед.

Стоявшие рядом пожилые казаки только одобрительно кивали, слушая его нагоняй, устроенный тётке. Казачки же только поджимали губы, готовясь отразить любое нападение на свои свободы. Но Мишка, не обращая на них внимания, закинул оружие за спину и легко сбежал в кромке воды. Теперь, когда всё закончилось, предстояло самое приятное. Собрать добычу. Чем он и занялся. Быстро перетащив из прибитых к берегу лодок тела, он подозвал к себе одного из казачат и, усевшись на вёсла, крикнул атаману:

– Сергий Поликарпович, мы остальные лодки догоним. А потом на тот берег сплаваем.

– А туда-то зачем? – моментально насторожился атаман.

– Я там, похоже, их главного укокошил. Глянуть хочу.

– Один?

– Почему один. Вон, с помощником, – кивнул парень на казачка, уже устроившегося на носу лодки.

– Добро. Аккуратней там, – чуть подумав, махнул казак рукой.

Мишка навалился на вёсла и в несколько гребков выгнал посудину на стремнину. Три лодки унесло мимо излучины, и теперь они медленно уходили вниз по течению. Терять добычу парень не хотел. К тому же сами лодки тоже денег стоили. Как ни удивительно, но эти лёгкие пироги, собранные из коры, были удивительно прочными, и их с удовольствием использовали рыбаки. Управляться с такой посудиной запросто мог даже ребёнок.

Быстро догнав ушедшие лодки, Мишка велел помощнику привязать их к корме и, развернувшись, принялся загребать вёслами, возвращая их обратно. Передав лодки суетившимся на берегу казачатам, Мишка велел своему помощнику прихватить одну из трофейных винтовок и, убедившись, что пользоваться ею он действительно умеет, погрёб к месту, откуда банда начала свой поход.

Подогнав лодку к берегу чуть ниже того места, Мишка тихо приказал пареньку спрятаться в кустах и держать ушки на макушке, а сам бесшумно растворился в кустах. После его первых выстрелов в игру вступил и атаман. Очень скоро его поддержали два пожилых казака, пришедших на помощь с соседнего секрета. Так что в эту сторону Мишка мог не отвлекаться. Что он и сделал, сосредоточившись на флотилии. Только случайно развернув оружие в сторону противоположного берега, Мишка заметил, как рядом с упавшим из кресла человеком крутятся какие-то мутные личности.

Двумя выстрелами покончив с этой суетой, он снова сосредоточился на бандитах. И вот теперь пришло время узнать, вокруг кого же была развита такая бурная деятельность. Обойдя по дуге кусты, за которыми сидел этот рукамиводитель, Мишка аккуратно выглянул из-за древесного ствола и, убедившись, что живых в наличии нет, направился к телам. Три трупа лежали там, где он их и оставил. Тяжёлая винтовочная пуля на таком расстоянии шансов почти не оставляет. Тем более что стрелял Мишка в середину груди. В общем, кругом положительные ребята. Где положил, там и нашёл.

С этой мыслью Мишка и принялся обыскивать тела. Добычей его стала горсть серебряных китайских монет, пара отличных ножей и револьвер. Вертя его в руке, Мишка не смог сдержать смешка. Это был тот самый «бульдог», о котором он подумал, когда урядник пообещал подарить ему толковый короткоствол.

– Насте отдам. Ей как раз по руке будет, – проворчал он, убирая ствол.

У старшего обнаружилась и записная книжка, в которой все записи были сделаны иероглифами. Быстро пролистав её, парень пожал плечами и сунул в сумку. Будет чем контрразведку озадачить. Даже если там адреса любовниц этого мужика, всё равно Мишка своё слово сдержал. Что из документов нашёл, то и принёс. А уж что там написано, не его дело. Последним парень прихватил и лёгкое складное кресло. На заимке всё пригодится.

Высвистав своего помощника, парень столкнул лодку на глубину и снова взялся за вёсла. Через четверть часа он вытянул пирогу на песок и, хлопнув казачка по плечу, с улыбкой заявил:

– Винтовку себе оставь. За помощь. Заслужил.

Атаман, услышав его слова, только головой покачал.

– Не рановато ему будет? Оружие денег стоит, – проворчал казак, оглаживая бороду.

– В самый раз. Пусть учится за оружием правильно ухаживать, – не уступил Мишка. – На то и казак, чтобы на трофейном оружии учиться.

Старики, уже успевшие с помощью подростков вытащить из лодок всех убитых и разложить их на берегу, дружно переглянулись и одобрительно закивали. Атаман, заметив их реакцию, махнул рукой и, пожав плечами, проворчал:

– Твоя добыча, тебе и решать.

– Не обеднею, Сергий Поликарпович, – улыбнулся Мишка, присаживаясь над ближайшим телом.

Своих покойничков атаман с подручными уже обыскали. Тот десяток тел лежал отдельно. После обыска парень стал обладателем сорока винтовок, тридцать две из которых были уже привычные «Арисаки», две – английские «Ли-Эндфилд», пять русских трёхлинеек и три французские, названия которых Мишка не помнил. К тому с бандитов он снял почти полторы сотни серебряных монет, пару мешочков с золотым песком и кучу ножей разного качества.

– Ну, патроны отбил, – буркнул себе под нос парень, выпрямляясь.

– Шли по шерсть, а вернулись стрижеными, – проворчал атаман, крестясь.

– Что с телами делать будем? – повернулся к нему Мишка.

– А что тут делать? – пожал тот плечами. – В воду их, и вся недолга. Неча у станицы бандитский погост устраивать.

– Тоже верно, – пожал Мишка плечами и, ухватив за ноги ближайшее тело, стащил его в воду.

Перекрестясь, казаки занялись тем же самым. Спустя час ничего на берегу не напоминало о полусотне трупов. Пользуясь помощью казачат, Мишка перетащил свою добычу во двор и, одарив пацанов трофейными монетами, отправился завтракать. Самовар у тётки уже давно вскипел, так что, едва умывшись и сев за стол, парень был атакован умиравшими от любопытства женщинами. Настя, отдуваясь и придерживая руками живот, подплыла к столу и, присев, с укоризной сказала:

– Ты зачем на людях на мамку накинулся?

– А чтоб помнила, что ей поручено. Не девчонка, чтобы воротить что вздумается, – отрезал Мишка, строго глянув на притихшую тётку.

Вздохнув, та только покаянно кивнула. Не удержавшись, Мишка поднялся и, обойдя стол, обнял её, поцеловав в щёку.

– Ты пойми, мама Глаша. Я ведь всё не просто так говорю, – улыбнулся он, садясь на место. – Ближе вас троих у меня в целом свете нет никого. А бой – дело опасное. Вдруг недобиток какой найдёт силы на спуск нажать? Пуля – она ведь дура. Летит куда пошлют и разит, званий и пола не разбирая.

– А сам чего же? – тут же вскинулась тётка.

– А самому мне Господь велел шкурой рисковать, чтобы вы жили в достатке, – вздохнул Мишка. – На то и мужик.

– Прости, сыночек. Не сдержалась, – повинилась Глафира.

– Бог простит, – отмахнулся парень. – Ты-то у меня как? – повернулся он к жене.

– А чего мне сделается? – удивилась Настя. – Я ж всё время в доме сидела.

– Чувствуешь себя как? – не унимался Мишка, поглаживая её по торчащему животу.

– Хорошо. Тяжело только, – улыбнулась девушка, прижимая его ладонь к животу. – Толкается. Не терпится ему, – добавила она, прислушиваясь к своим ощущениям.

– Ты, главное, тяжёлого не вздумай поднимать и о плохом не думай, – буркнул Мишка, чувствуя себя полным дураком.

Живя в деревне начала двадцатого века, не поднимать тяжести было просто невозможно. Глафира, с улыбкой наблюдая за ними, тихо фыркнула и, покачав головой, посоветовала:

– Ты бы, Мишенька, не лез куда не просят. Сами разберёмся, кому чего делать. Ты своё уже сделал, – с намёком добавила она.

– А что, не надо было? – тут же съязвил Мишка.

– Тьфу, дурень, – возмутилась Глафира.

В ответ Мишка от души расхохотался, заставив женщин улыбаться в ответ. На их смех из своей комнаты вышла Танюшка и, сонно улыбаясь, спросила:

– А чего вы тут хохочете?

– Настроение хорошее, доча, – ответил Мишка, подхватывая её на руки.

– Дай сюда, – подскочила тётка. – Ешь лучше, сама разберусь.

Отобрав у него ребёнка, она повела её умываться, а Мишка снова вернулся за стол. Настя, то и дело поглядывавшая на кучу оружия, не удержалась и, подливая ему чаю, осторожно спросила:

– А что с винтовками делать станешь?

– Ну, наши проверить надо. Если в хорошем состоянии, переделаю. Английские и французские продам. А японские… – он задумался, ища применение этому оружию. Хантам в таком количестве винтовки были не нужны. Если только десяток на заимку отвезти вместе со всеми патронами. А вот что делать с остальными?

– С японскими ещё не решил, – закончил он, махнув рукой.

– Такая винтовка, ежели новая, в лавке по семи рублей стоит. А пользованные по пяти рублей отдают, – осторожно заговорила Настя.

– И что? – не понял Мишка.

– Казаки для своих мальчишек их часто покупают или с бою берут. Для учёбы. Да только пять рублей – большие деньги. Вот если по три отдавать, их у тебя станичники раскупят, – закончила она.

– По три, говоришь, – задумался Мишка. – Ладно. Вот проверю их, почищу, и можно будет весть подать, что продаю, – кивнул он. – Только патроны пусть сами покупают. Трофейные я хантам отвезу.

– Как скажешь, Мишенька, – с готовностью кивнула Настя, радостно улыбнувшись.

* * *

В очередной раз вытянув сеть, Мишка вздохнул и, покосившись на свой улов, почесал в затылке. Пора было возвращаться. Рыбу мало выловить. Её ещё нужно как следует обработать. Запустив мотор, парень вывернул руль вельбота и направил его вниз по течению, решив проделать это уже дома. Уходить далеко он теперь не решался. Со дня на день Настя должна была родить, так что ему приходилось каждый день делать нелёгкий выбор или тупо выкручиваться, чтобы побольше времени проводить дома.

Неожиданно для себя самого Мишка вдруг осознал, что это его первенец. Первый ребёнок за обе жизни. И это знание постепенно начало превращать его в чокнутого папашку. Благо воля и характер помогали бороться с этой напастью,

но страх за жену и ребёнка у него не проходил. Глафира, словно каким-то неисповедимым женским чутьём угадав его страхи, то и дело гнала его из дома, буквально заставляя заниматься своими обычными делами. Не будь тётки, Мишка давно уже забросил бы все дела и сидел подле Насти, оглаживая её округлившийся живот.

– Вот ведь головняк! – выругался Мишка, закрепляя руль и доставая нож. – И угораздило же тебя жениться на старости лет. Жил бы себе и жил дальше. Нет, пошёл у тётки на поводу. А с другой стороны, сам же вечно ныл, что ни котенка, ни ребёнка не имеешь. Так что заткнись и дело делай. Тебе теперь не три, а четыре рта кормить. Шевелись, таёжник.

Подбадривая себя подобными высказываниями, парень успел вычистить почти весь улов до того, как вельбот причалил к станичной пристани. Закончив с рыбой, Мишка накрыл её куском брезента и отправился домой. Вкатив телегу во двор, он, не заходя домой, взялся за засолку. Благо бочонков под это дело было в достатке. Уже в сумерках закончив работу, он устало умылся прямо у колодца и не спеша отправился отдыхать.

Но едва успев проглотить миску каши и сделать глоток чаю, был вынужден снова включиться в общественную жизнь. Как оказалось, его решение продавать трофейные винтовки по цене ниже лавочных встретило в станице огромное одобрение. Три рубля за такую винтовку – вполне вменяемая цена, и станичники, имевшие подрастающих сыновей, приняли её с большим воодушевлением. Так что к ночи от всех трофеев осталось только три ствола. Не считая тех, с которыми парень так и не решил, что делать.

Английские и французские винтовки у казаков спросом не пользовались. Так что после недолгих размышлений Мишка решил продать их в оружейные лавки. Хоть какая-то копеечка в семейный бюджет. К тому же требовалось ещё навести порядок в собственном арсенале. После недолгих размышлений он решил оставить женщинам пару японок. Себе же Мишка оставил винчестер, пару винтовок, взятых с братьев убийц, и свою самоделку. Это не считая револьверов. Пара кольтов так и висела в кобурах у кровати, всегда готовая к использованию.

Задумавшись, Мишка не заметил, как к столу присела тётка и, несколько минут понаблюдав за ним, тихо спросила:

– Случилось чего, сыночек?

– А? Нет, мама Глаша, задумался просто, – очнувшись, улыбнулся парень.

– Это о чём же?

– За Настю страшно. А тут ещё война эта. Ума не приложу, как теперь на заимку ехать. Как вас одних оставить?

– А что с нами станется? – пожала женщина плечами. – Казаки своих в обиду не дают. Оружие у нас есть, ежели что, отобьёмся. Так что не бери в голову глупого. Делом своим занимайся. А мы как-нибудь справимся.

– Вот именно, что как-нибудь, – фыркнул Мишка. – Мать твою, хоть разорвись. То ли я умный, а то ли красивый.

– Чего?! – растерялась тётка от такого захода.

– А, забудь, – отмахнулся Мишка, постепенно заводясь ещё сильнее. – Эти твари узкоглазые совсем обнаглели. Говорил же, на их территории воевать надо. Так воевать, чтобы даже смотреть в сторону границы боялись.

– Уймись, Мишенька, – попыталась образумить его женщина. – Сам же знаешь, без приказа ни солдаты, ни казаки на ту сторону не пойдут. А одному тебе не справиться.

– Думаешь? – неожиданно успокоившись, задумчиво спросил Мишка. – А ведь это идея, мама Глаша. Малыми силами на чужой территории… Ладно, тут как следует подумать надо.

– Да ты ума, что ль, лишился, сынок? – взвыла тётка не хуже пароходной сирены. – Совсем очумел?! Одному с бандитами воевать идти?!

– Не голоси, мама Глаша, – выдал Мишка свою коронную фразу, попутно обдумывая случайно поданную идею. – Я в атаку на них в полный рост ходить не собираюсь. А в засаде меня ещё заметить надо. Из своей новой винтовки я их за полверсты колотить могу, а им до меня не дотянуться будет.

– В тайге? Где ты там полверсты открытого места найдёшь? – всплеснула Глафира руками.

– А вот на это, мама Глаша, охотничьи хитрости имеются, – усмехнулся парень, снова вспомнив про свои изыски с гранатами.

Закруглив разговор, он отправил тётку спать, а сам, допив чай, направился в мастерскую. Главным в его затее был толковый запал. Достав из ящика пару ударных пружин от охотничьих ружей и сами ударники к ним, Мишка задумчиво повертел их в руках и, отложив в сторону, достал пару обычных капсюлей. Потом, взяв лист бумаги, парень принялся рисовать схему взрывателя в разрезе. Сначала так, как он её помнил в своём прошлом, потом так, как мог сделать самостоятельно. Убедившись, что всё реально, он убрал свои каракули и отправился спать.

Утром первым делом Мишка отправился в кузню. Елисей, уже полностью оправившийся от ранения, едва завидев парня, отложил какую-то заготовку и, поздоровавшись, выжидающе посмотрел ему в глаза, оглаживая бороду широкой заскорузлой ладонью. Достав из кармана бумагу, Мишка принялся на пальцах объяснять, что именно ему нужно. Внимательно выслушав его, Елисей кивнул и, кое-что прикинув, решительно заявил:

– Дай три дня сроку, всё сделаю. Тут самое главное правильную форму слепить. А дальше просто всё. Два десятка хватит?

– За глаза, – радостно закивал Мишка, не ожидавший такой скорости выполнения заказа.

– Вот и слава богу. Через три дня племяш всё домой тебе принесёт.

– Спаси Христос, мастер, – склонил Мишка голову.

– Тебя спаси, – вежливо отозвался кузнец, возвращаясь к работе.

Вернувшись домой, Мишка принялся изобретать. Ещё на стадии идеи он подобрал несколько готовых болтов со сквозным отверстием по вертикальной оси и теперь прикидывал, как впихнуть в него запальную систему. В конечном

итоге после нескольких неудачных попыток он решил использовать обычную медную трубку, в которую и начал монтировать сам взрыватель. Спустя два дня работы он крутил в руках готовый взрыватель, очень похожий внешне на те, которыми пользовался в своей прошлой жизни.

Медная трубка, в один конец которой была вставлена пружина с ружейным бойком, который удерживается рычагом на чеке. Дальше шёл патронный капсюль, а остальное пространство было заполнено дымным порохом. Второй конец трубки был заткнут небольшим кусочком бумаги. Само наполнение гранаты Мишка решил сделать комбинированным. Смесь пороха и динамита. Чего ему стоило добыть этот опасный компонент и нарезать его на куски, это отдельная сага.

Удача, что урядник после истории с нападением на него стал доверять Мишке, как самому себе. Так что все запасы имевшегося в его сарае конфискованного динамита парень получил без остатка и долгих разговоров. Нарезать шашки Мишка решился только в тайге, далеко от дома. Найденный у урядника динамит был лежалым, некоторые шашки даже начали отпотевать нитроглицерином, так что, кроша их, парень исходил холодным потом от страха. Одно неловкое движение, и всё, пишите письма.

Но всё обошлось. Так что после нескольких испытаний Мишка был практически уверен, что очередное его изобретение будет работать. Во всяком случае, взрыватели исправно хлопали и выбрасывали огненную струю. В общем, получив в руки свой заказ, парень отправился к ближайшему оврагу на испытания. Взяв в руку увесистое чугунное яйцо, парень одним плавным движением вырвал чеку и, как следует размахнувшись, швырнул гранату в овраг, отсчитывая про себя время и падая на землю.

Всё получилось как по заказу. Три секунды, и в овраге грохнул взрыв. В воздухе взвизгнули осколки, и на парня посыпались сбитые ими ветки.

– Работает, маму вашу за ногу! – рассмеялся Мишка, вскакивая. – На коленке сделано, а работает!

Все три взятые с собой гранаты исправно взрывались с примерно одним и тем же промежутком времени. Убедившись, что всё получилось, Мишка отправился домой, но у околицы его перехватил атаман с парой молодых казаков. Грохот в

овраге явно насторожил всё население станицы, но кто-то, наверняка мальчишки, успели доложить, что туда ушёл механик. Увидев парня, казаки быстро переглянулись, и атаман, огладив бороду, спросил, заступая ему дорогу:

– Ты чего там грохотал, Миша?

– Оружие новое испытывал, Сергий Поликарпович, – улыбнулся Мишка.

– Новое? – насторожился атаман. – И как оно действует?

– Пойдём ко мне. Там всё покажу, – пригласил парень, отлично понимая, что просто так от него не отстанут.

Проведя гостей в мастерскую, Мишка продемонстрировал им гранаты, коротко объяснив, что это такое и для чего нужно. Удивлённо покатав в ладонях ребристые чугунные яйца, казаки дружно почесали в затылках и уставились на изобретателя.

– Чего? – не понял Мишка.

– Ты хоть понимаешь, что сделал? – тихо спросил атаман.

– Оружие, которое поможет нам от бандитов отбиваться, – жёстко отозвался парень, глядя ему в глаза. – И не я это придумал. Пушечный шрапнельный снаряд так же работает. Я только переделал его для ручного использования. В тайге ведь не всегда пушку протащить можно. А тут всё с собой. Достал, чеку выдернул и кидай куда надо.

– Порох с динамитом, значит? – помолчав, уточнил атаман.

– Угу. Так и взрыв сильнее, и осколки дальше летят.

– Сколько ещё таких сделать можешь?

– А сколько надо? – усмехнулся парень.

– Чем больше, тем лучше.

– Тогда составляющие части ищите. Капсюли, бойки с пружинами, порох, динамит, ну и сами корпуса, конечно. Трубок и болтов на свалке в депо набрать можно. Там этого добра хоть возами вози.

– Добро. Добудем, – подумав, решительно кивнул атаман и, растерянно усмехнувшись, добавил: – Опасный ты человек, Михаил. Похоже, тебе волю дай, так ты из чего угодно сумеешь оружие сделать.

– Убивает не оружие, Сергий Поликарпович. Убивает человек. А оружие – это так. Инструмент, – вздохнул Мишка. – Я бы лучше машины всякие изобретал, так ведь не дадут. Спокойно жить не дадут.

– Ты чего задумал, Миша? – тихо спросил атаман, неожиданно насторожившись.

– За кордон пойду. До осени мне нужно всех окрестных хунхузов так напугать, чтобы они даже смотреть в нашу сторону зареклись. А с таким оружием я это легко сделаю.

– Один воевать собрался?

– Добровольцев возьму. Кто сам захочет. Но не больше пяти человек.

– А чего так мало? – удивились казаки.

– Ну, во-первых, вам за кордон ходить запрещено. А во-вторых, малой группе всегда в тайге затеряться легче. Брать буду только тех, кто по тайге тихо ходить умеет.

– Прям пластунская команда получается, – качнул атаман головой.

– Если б пластуны пошли, я б только порадовался, – вздохнул Мишка.

– Добро. Поговорю с казаками. Думаю, пяток опытных бойцов подберётся.

– Опытных мне и трёх хватит. Двух я бы из молодых взял. Для помощи. Лодки караулить да место для основного лагеря охранять.

– Ещё проще, – кивнул казак. – Столько уж точно найдём. А пока готовь свои закрома под железки. Елисею сегодня же заказ передам.

– Да чего там готовить, – отмахнулся Мишка. – Что ни привезут, пусть всё в сарай складывают. Я потом сам разберусь. И тётке скажу, чтобы пускала.

– Вот и ладно, – вздохнул казак. И уже подходя к калитке, вдруг обернулся и негромко сказал:

– Толковое дело ты задумал, Миша. Сотня уйдёт, старикам одним станицу охранить сложно будет. А так, глядишь, и справимся. Даже если десяток бандитов положите, всё одно потом нам же легче будет.

В ответ Мишка только кивнул. Все эти мысли ему самому приходили на ум гораздо чаще, чем ему хотелось бы самому.

* * *

– Вот за что я тебя люблю, Миша, так это за то, что с тобой скучно не бывает, – проворчал Владимир Алексеевич, листая записную книжку, снятую с главаря бандитов. – И как эту тарабарщину переводить прикажешь?

– Вот только не говорите, что у вас толмачей с ханьского нет, – фыркнул Мишка, пожимая плечами и прихлёбывая чай. – Не поверю.

– Так это не ханьский, – наставительно проворчал контрразведчик. – Это, скорее, манджу или ещё какой диалект.

– А я тут с какого боку? – делано возмутился Мишка. – Что нашёл, то и принёс. Не нравится, и носить не стану.

– Э-э, я тебе не стану, – шутливо пригрозил офицер. – Всё тащи, что найдёшь. Мы и так сидим тут, как кроты в норе. Ну, нет у нас на той стороне своих людей.

Почти, – добавил он, пряча усмешку.

– Вовремя оговорились, – рассмеялся парень.

– Знал, что не поверишь, потому и добавил, – усмехнулся контрразведчик в ответ. – Вот что в отношениях с тобой хорошо, так это не надо оглядываться.

– Это в каком смысле? – не понял Мишка, слегка насторожившись.

– В прямом. Хунхузов ты ненавидишь смертно. А через них и всех остальных иностранцев, потому как знаешь, что это они бандитов на нас травят, словно псов бешеных. А потому и не предашь. Да ещё и соображаешь так, что дай бог каждому. Одни твои гранаты чего стоят, – закончил он, покосившись на лежащую на столе чугунную чушку. – И как только додумался?!

– А чего там думать? – пожал парень плечами. – Снаряды пушечные так же действуют. Только ими из пушек пуляют, а тут руками кидать можно. Да и просто, если к дереву привязать и верёвочку на тропе насторожить, как самострел охотничий, любой преследователь очень удивлён будет.

– Ага, прямо до смерти, – снова рассмеялся офицер. – А вот затея твоя с походом за кордон мне совсем не нравится. Опасно это, Миша. Очень.

– Догадываюсь, – скривился парень. – Да только другого выхода не вижу. Уйду на заимку, и кто тогда семью защитит? А у меня дитё малое вот-вот народиться должно. Я тела сестрёнки и мамки до сих пор иногда вспоминаю, – тихо добавил он, вздыхая.

Эти сны и вправду стали иногда посещать его. Когда это случилось в первый раз, Мишка проснулся в холодном поту и долго не мог отдышаться. Потом, успокоившись и обдумав ситуацию, он понял, что это воспоминания бывшего хозяина этого тела. Но от этого было ничуть не легче. После того сна парень несколько дней ходил словно пыльным мешком нахлобученный. Услышав его слова, контрразведчик понимающе кивнул и, вздохнув, попросил:

– Ты уж поберегись там, Миша. Понимаю, что думаешь. Что я за свою службу волнуюсь, а не за здоровье твоё. Но скажу тебе прямо. Не так много у меня тут

знакомых, которым я полностью доверять могу. И ты – один из первых. А служба моя она и без меня действовать не перестанет. Про тебя уж и говорить нечего. Меня не станет, другого пришлют. Надо будет, и третьего. Но пока я тут, такие, как ты, а главное, ты сам, мне очень нужны.

– Благодарствую, – помолчав, кивнул Мишка.

– За что? – не понял контрразведчик.

– За честность. И что не стали про долг перед родиной рассказывать.

– Угу, тебе расскажешь, пожалуй, – усмехнулся офицер. – Сам кому угодно мозги заплетёшь.

– Зато весело, – нашёлся Мишка, и контрразведчик в очередной раз усмехнулся. – Ладно, Владимир Алексеевич, пора мне. Дел ещё много.

– Ты в какую сторону сейчас? – спросил офицер, протягивая ему руку.

– В депо. На свалке ихней порыться надо.

– Добро. И ежели что, сразу на меня ссылайся. И пусть только попробует кто рот открыть. Мне их ужимки вот уже где, – неожиданно пожаловался он, чиркнув ребром ладони себе по горлу.

– Так я по начальству не хожу. Я с рабочими говорю. А они мне завсегда помогали, – развёл Мишка руками.

Выйдя из здания, парень отвязал от коновязи Монгола и, вскочив в седло, тряхнул поводьями, направляя его в сторону станции. Спустя десять минут он увлечённо рылся в железных завалах, откладывая в сторону всё, что должно было ему пригодиться. Набив пару прихваченных с собой мешков, парень погрузил их на коня и, взяв его под уздцы, повёл на улицу. Торопиться было некуда, и Мишка решил ещё заглянуть на торг. Зафиксировать для себя цены на самые важные товары.

Он шагал по центральной улице посёлка, то и дело вежливо раскланиваясь с бывшими соседями. Но уже на выходе на площадь едва не столкнулся с высокой огненно-рыжей девицей. С ходу вспомнив, где её видел, Мишка вежливо склонил голову и хотел было пройти мимо, когда девица сама заступила ему дорогу.

– Вас ведь Михаилом зовут? – спросила она, с любопытством рассматривая его.

– Точно так, барышня, – кивнул Мишка, насторожившись.

– А правду говорят, что вы дочку полюбовницы своей словно родную дочку растите? – тут же последовал вопрос.

– Правду. Только вам-то что до того? – не понял парень.

– Интересно просто стало, – пожала девица плечами. – На торгу про вас разное говорят, а чему верить, непонятно.

– Ничему не верьте, – с улыбкой посоветовал Мишка. – Слухи они слухи и есть.

– А то, что вы любовником графини были, тоже верно? – последовал следующий вопрос.

– Чушь собачья, – отмахнулся Мишка. – Ну вы, барышня, сами подумайте, кто я и кто она. Но я не пойму, с чего вдруг такой интерес?

– А любопытно мне стало, как оно, с графиней, – нахально заявила рыжая, глядя на него в упор.

– Да точно так же, как с любой другой бабой, думаю, – пожал Мишка плечами. – Чем она от них отличается? Титулом? Так он только на бумаге да в воспитании. А телом она такая же, как и все остальные. И даже в сортир пешком ходит.

– А вы наглец, – произнесла девица с непонятной интонацией. То ли восхитилась, то ли осудила, без стакана не разберёшь.

– Каков есть, барышня, и другим не буду, – фыркнул Мишка и, ещё раз коротко поклонившись, зашагал дальше. «Твою маман, это что сейчас такое было? Я не я буду, если эта чувиха меня не клеила. Только зачем я ей? Она же вроде из благородных. Что, офицеров не хватает? Или зажраться успела? Тоже ерунда. Молодая ещё. Хрень какая-то», – мысленно пожал он плечами, привязывая поводья к коновязи.

Пройдясь по лавкам, Мишка запомнил цены на самые важные товары и отправился в оружейную. Там он завис надолго. Прикупив пару сотен капсюлей, свинца и пороха, он усилием воли заставил себя угомониться и выйти наружу. Отвязав коня, он уселся в седло и решительно направил его домой. Гружёный конь шёл неторопливой рысцой, гулко бухая копытами по земле. Что ни говори, а конёк Мишке достался отличный. Сильный, выносливый, а что не сильно быстрый, так ему спешить некуда.

В местной жизни выносливость, сила и разум гораздо важнее. А Монгол всеми этими качествами был одарён, что называется, от души. Дома, разгрузив коня, он вычистил его и, поставив в денник, щедро отсыпал овса. Но едва только парень переступил порог, как с ходу понял: что-то не так. И Глафира, и маленькая Танюшка смотрели на него с непонятым выражением на лицах. Остановившись, словно на стену налетел, Мишка сжал кулаки и глухим от волнения голосом спросил:

– Что случилось? Настя где?

– Здесь, – пряча улыбку, ответила тётка, подходя к нему. Взяв в ладони его голову, женщина заставила Мишку пригнуться и троекратно целуя, сказала: – Поздравляю, Мишенька. Сын у тебя родился. Здоровенький. А уж красивый, глаз не отвесть.

– Твою ж дивизию! – взвыл Мишка не своим голосом. – Меня ж всего полдня не было. Когда она успела-то?

– Так ты уехал, и началось. Часа два как опросталась, – рассмеялась Глафира. – Да уймись, заполошный. Хорошо всё с ними. Спят пока. Садись чай пить. Или ты, может, есть хочешь?

– Да какая тут сейчас еда, – отмахнулся Мишка, автоматически подхватывая на руки странно притихшую Танюшку. – Ты чего такая тихая, дочка? Или опять напроказила чего? – спросил он, целуя её в макушку.

– Тятя Миша, а ты меня не отдашь? – вдруг спросила девчушка.

– Кому отдам? Зачем? – растерялся Мишка. – Тебе кто такое сказал? – взревел он, сообразив, о чём речь.

– Мальчишки на улице говорили, что как Настя родит, так ты меня в приют отдашь, потому, как у тебя теперь свой ребёночек есть, – еле слышно ответила Танюшка.

Услышав это, Глафира только тихо охнула, прижав ладонь к губам.

– Вот что, доча, – вздохнув и беря себя в руки, принялся пояснять парень. – Ты этих мальчишек посылай к чёрту. У меня старшая дочка есть, и зовут её Танюшка. А кто иначе думает, пусть себе язык откусит, потому как иначе я ему его сам оторву, если не по делу ерунду болтать начёт. Никому я тебя не отдам. Если только замуж, когда вырастешь, – с улыбкой закончил он.

– Ты чего тут опять буянишь, Мишаня, – послышался усталый голос, и в комнату, держась за стену, вошла Настя.

– Ты чего вскочила, глупая! – зашипела на неё Глафира разъярённой коброй. – А ну, марш в постелю.

– Погоди, мама Глаша. Мне на двор надо, – слабо улыбнулась Настя.

– Не было печали, – буркнул Мишка и, ссадив с колен ребёнка, в два шага оказался рядом с женой.

Одним плавным движением подхватив её на руки, он оглянулся на девочку и, улыбнувшись, попросил:

– Доча, помоги бабушке самовар поставить. Я вернусь и договорим.

Потом, ногой открыв дверь, он донёс Настю до скворечника и, поставив её на ноги у самого сооружения, тихо велел:

– Дальше сама, но если почуешь, что плохо стало, сразу зови. Я тут подожду.

– Я сильная, Миша. Справлюсь. Завтра уже по хозяйству хлопотать стану, – улыбнулась в ответ девушка, погладив его по щеке.

– Иди уже, хлопотунья, – проворчал Мишка, мимолётно целуя её мозолистую ладошку.

Таким же макаром вернув жену в кровать, он осторожно подошёл к колыбели, которую сам же и вырезал под чутким руководством тётки, и заглянул в ворох пелёнок. Задумчиво посмотрев на тихо сопящего младенца, Мишка растерянно почесал в затылке, про себя подумав: «И что тут вообще разобрать можно? Он же такой маленький и весь какой-то красный и сморщенный».

– Как тебе? – спросила Настя с потаённой надеждой.

– Пока не понял, – честно признался парень. – Вот когда начнёт орать да обоссыт пару раз, тогда ясно станет. Но всё равно, спасибо, – добавил он, наклоняясь к жене и нежно целуя её в припухшие губы.

Девушка тихо хихикнула на его немудрящую шутку и с явным удовольствием ответила на поцелуй. Очевидно, она ждала чего-то подобного, потому что заметно расслабилась.

– Отдыхай, – улыбнулся Мишка, погладив её по шее.

Выйдя в общую комнату, он снова подхватил Танюшку на руки и, усевшись за стол, растерянно посмотрел на суетящуюся тётку.

– Чего? – вскинулась та, заметив его взгляд.

– Ты знала, что она сегодня родит? – осторожно уточнил Мишка, глядя ей в глаза.

– Знала, – вздохнула Глафира, опуская взгляд.

– А чего мне не сказала? Почему уехать позволила?

– А на кой ты нам тут нужен? – вдруг возмутилась тётка. – Суетиться попусту да под ногами мешаться? Не мужское это дело. Нам только и не хватало, чтобы ты тут принялся с перепугу стволами размахивать, помочь ей требуя. Сладилось, и ладно, – решительно закончила она.

– Да я бы хоть… – начал было Мишка, но Глафира не дала ему закончить.

– Ну что ты бы, что? – возмущённо запыхтела тётка, выпрямляясь во весь рост и упирая кулачки в бёдра. – Сказано тебе, не мужское это дело. Тут бабы нужны, опытные да знающие. Твоё тут место десятое. Понял?

– Понял, – растерянно кивнул Мишка, не найдясь с ответом.

– Что, тятя, и тебя баба Глаша ругает? – вдруг сочувственно поинтересовалась Танюшка.

– Так ведь за дело, – рассмеялся Мишка, прижимая её к себе.

– Вот и не лезь в бабьи дела. А то взял манеру баб учить, как детей рожать, – выдала девчушка, явно повторяя чьи-то слова и прижимаясь к его груди.

И Мишка, и Глафира от такой сентенции дружно покатились с хохоту.

* * *

Ровно месяц с рождения сына Мишка не уходил со двора, занимаясь чем угодно, лишь бы быть рядом с семьёй. К тому же атаман всё оттягивал подбор добровольцев. Парень разрывался между необходимостью и долгом, доведя себя почти до нервного срыва. Но накалившуюся ситуацию неожиданно разрядил совершенно неожиданный разговор. Закончив с очередной партией гранат, которых набралось уже более полусотни, Мишка прошёл в дом и, умывшись, сел ужинать.

Устроившаяся напротив тётка подпёрла щёку ладонью и, задумчиво глядя на него, вздохнула. Сообразив, что это вступление к какому-то разговору, парень насторожился и, прожевав очередную порцию каши, спросил, поглядывая на кормящую малыша Настю:

– Что случилось, мама Глаша?

– Да я уж и не знаю, как сказать, – снова вздохнула Глафира. – С одной стороны, дурь, а с другой – люди просто так говорить не станут.

– И что нынче люди говорят? – поинтересовался Мишка, сразу помрачнев.

– Всякое, сынок. Не знаю, как и сказать правильно.

– А ты говори как есть, мне скрывать нечего, – пожал Мишка плечами, переглядываясь с навострившей ушки Настей.

– Да тут речь не столько о тебе, сколько о вас обоих, – ещё больше смутилась тётка.

– Мама Глаша, ну не тяни ты кота за хвост, – рыкнул Мишка. – Говори как есть, а дальше видно будет.

– Ты только это, Миша, буянить не вздумай, – осторожно предупредила тётка. – Тут вот какое дело. В деревне бабы болтают, что вы с Настей уже почти два года живёте. Она тебе дитя родила. А всё не поротая ходит. Видать, не любишь.

– Чего-о?! – от удивления Мишка даже ложку выронил. – Это что ещё за бред сивой кобылы?! – прохрипел он осевшим от возмущения голосом, оглядываясь на жену.

Вместо ответа Настя смущённо потупилась, слегка порозовев. Понимая, что уже вообще ничего не понимает, Мишка отодвинул тарелку и, тряхнув головой, глубоко вздохнул. Потом, немного успокоившись, сложил руки на груди и, глядя тётке в глаза, спросил:

– Я так понимаю, это у семейных правило такое. Бьёт, значит, любит?

– Во-во, – радостно закивала Глафира. – Бабу к порядку приучить – первое дело.

– Мама Глаша, ты не заболела, часом? – участливо поинтересовался Мишка, глядя ей в глаза.

– Здорова, слава богу, – растерялась тётка.

– Тогда что ты мне тут всю эту хрень пересказываешь? Это, может, там, в деревне, правила такие. А я привык своим умом жить. Жена мне досталась ласковая да не перечливая. И за что ж я её пороть стану? Просто так, куражу ради? Или только чтобы бабам деревенским потрафить? Да плевать я хотел на их мнение. Заслужит, выпорю. А просто так глумиться не стану и другим не дам, – отрезал Мишка, пристукнув кулаком по столу.

– Так ведь люди думают, всё равно тебе. Не любишь. А она тебе сынка родила, – зашла тётка с другой стороны.

– Ага. То есть ради их спокойствия я должен с собственной жены вожжами шкуру за такой подарок спустить? – ехидно уточнил Мишка. – А не пошли бы они все куда подальше, – заявил он, оглядываясь на молчащую Настю.

Ей явно не очень нравился этот разговор, но то, что он кинулся её защищать, было приятно. Во всяком случае, поглядывала она на мужа с едва заметной улыбкой, а в бездонных глазах мелькало одобрение. Переведя взгляд на сына, Мишка замолчал, словно что-то вспомнив. Потом, резко поднявшись, вышел в мастерскую. Погремев там пару минут какими-то железками, он вернулся обратно и, остановившись посреди комнаты, задумчиво оглядел жену и тётку. Потом, подойдя к Насте, он протянул к ней руку и, улыбнувшись, негромко сказал:

– В одном эти клуши деревенские правы. Я за всеми этими делами забыл отблагодарить тебя за наследника. Вот. Держи, – закончил он, разжимая кулак.

На широкой ладони парня лежала пара золотых узорчатых серёг. Их и ещё несколько украшений он нашёл в деревне хунхузов и, забросив в ящик с остальной добычей, благополучно про них забыл. Но теперь, когда зашёл разговор, вспомнил и, тщательно вычистив, принёс как подарок жене. Охнув,

Настя уставилась на него неверящим взглядом.

– Бери, бери, – подбодрил её Мишка. – Моя жена нищенкой ходить не будет. Вот с бандитами разберёмся, я тебе ещё добуду. Или сам сделаю.

Привстав, Глафира вытянула шею, словно гусыня, пытаясь заглянуть ему в ладонь. Потом, не сдержав любопытства, выскользнула из-за стола и, подскочив к парню, подхватила подарок. Рассмотрев серьги, она ловко выхватила у Насти ребёнка и, сунув ей подарок, скомандовала:

– Чего расселась, кулёма? Беги надевай да приходи мужу показаться, порадовать.

Залившись краской, Настя выскочила в свою комнату к зеркалу. Спустя пару минут она вернулась обратно и, опустив платок с головы на плечи, павой прошлась вдоль стола, то и дело, поворачивая голову из стороны в сторону.

– Хороша кобылка, – одобрительно проворчала Глафира, улыбаясь. – Вот сынка выкормишь, снова в тело войдёшь, и можно будет второго носить.

– Ты озверела, мать? – повернулся к ней Мишка. – Через два года, не раньше.

– А чего через два-то, Мишенька? – возмутилась тётка. – Баба молодая, сильная, ей только рожать да рожать.

– Сама сказала, ей в тело войти надо, – отрезал Мишка. – Да и спешить некуда. Это дело нехитрое, – закончил он, поднимаясь и подходя к жене. – Нравятся? – спросил он, беря её за плечи.

– Очень, – радостно улыбнулась Настя.

– Вот и носи на здоровье.

– Спаси Христос, Мишаня, – пролепетала девушка, прижимаясь к нему всем телом. – Спаси Христос. За доброту, за ласку и за то, что в обиду не даёшь, – еле слышно добавила она.

– Свою жену только я обижать могу, – усмехнулся парень, целуя её в губы.

Не ожидавшая такой ласки Настя судорожно вздохнула и обмякла в его объятиях, прижимаясь к мужу ещё крепче.

– Вечно ты всё поперёк делаешь, – махнула рукой Глафира. – И ведь получается.

– Запомни, мама Глаша, – повернулся к ней Мишка. – В нашей семье всегда будут только наши правила. Надо будет, и её, и тебя выпорю. Но только за дело. А просто так ни сам, ни кому другому не дам обидеть. Мои бабы. Хочу люблю, хочу наказываю. Ясно?

– Как скажешь, Мишенька, – кивнула Глафира с неожиданной робостью.

Их разговор прервал басовитый рёв младенца. Подскочив, обе женщины унеслись разбираться с малышом, а Мишка вернулся к столу доедать остывшую кашу. Закончив с ужином, он принёс с крыльца самовар и, заварив свежий чай, принялся убирать грязную посуду. За этим занятием его и застала Настя. Перепеленав сына, она поспешила обратно и, увидев, чем занят муж, едва не завопила от возмущения. Моментально отобрав у Мишки тарелки, она в минуту накрыла на стол всё для чаепития и, присев рядом, тихо попросила:

– Мишаня, ты больше никогда посуду не трогай. Если надо, просто в сторону сдвинь. Увидит кто, что ты сам в доме прибираешься, позору не оберусь. На что тогда баба в доме нужна, ежели мужик сам прибирается?

– А если жена занята или, не дай бог, приболела? – осторожно уточнил Мишка. – Что ж тогда, грязью зарасти?

– То другой вопрос, – упрямо качнула Настя головой.

– Запомни, Настюша, в каждой избушке свои погремушки, – вздохнул Мишка, обнимая её. – Это я к тому, что в каждом доме свои правила. И ежели я вижу, что ты сыном занята, то могу и сам и прибраться, и посуду помыть. Не развалюсь. Сын мне дороже, чем какие-то правила, которые ещё и не я придумал.

– Как скажешь, Мишаня, – вздохнула Настя, утыкаясь носом ему в плечо. – А как сына-то назовёшь? Крестить скоро, а имени не придумали.

– Придумал. Григорием, как батю моего звали, назовём. Я Михаил Григорьевич, а он Григорием Михайловичем будет. А уж второго сына бати твоего именем крестим. Как, бишь, звали его?

– Матвеем, – еле слышно отозвалась девушка.

– Значит, Матвей Михайлович будет, – резюмировал парень. – Годится?

– Спаси Христос, Мишаня, – кивнув, всхлипнула Настя.

Вернувшаяся в комнату Глафира так и застала их сидящими в обнимку за накрытым столом.

– Спит, – с улыбкой сообщила она, входя. – А вы чего это насупились? Настя, на улице темно уже, а у тебя муж ещё и не поел толком.

– Не голоси, мама Глаша. Мы сыну имя выбирали, – улыбнулся Мишка.

– И что решили? Как назовёте? – моментально подобралась тётка.

– Григорием.

– Так и знала, – с улыбкой кивнула Глафира. – И то сказать, есть в кого назвать.

Стук в дверь оборвал их разговор. Настя, быстро отворившая дверь, впустила в дом атамана. Перекрестившись на образа, казак присел к столу и, огладив бороду, тихо сказал:

– Такое дело, Миша. Нашёл я тебе соратников. Один пластун и двое из опытных. Но под твою команду пойти готовы. Есть ещё пара молодых. Но тут сам смотри. Парни молодые, гонористые. Как бы не учудили чего.

– Так собрать их надо да поговорить со всеми сразу, – помолчав, высказался Мишка. – Пусть посмотрят, что взрослые бойцы готовы мою команду принять, и подумают, что лучше – дело сделать или глупый гонор показывать, род казачий позоря.

– Вот это верно, – одобрительно закивал атаман. – Завтра и соберу. Ну, а у тебя как дела, дочка? – повернулся он к Насте. – Мужа слушаешься? Или он уже готов за вожжи взяться? – поддел он девушку.

– Дались вам эти вожжи, – проворчал Мишка, скривившись.

– А не нужны ему вожжи, дяденька, – пропела Настя, снова скидывая платок на плечи и поворачиваясь к нему в профиль. – Я мужа люблю и чту. И спорить с ним не собираюсь.

– Вот оно как, значит, – протянул казак, рассмотрев серьги. – За первенца одарил? – повернулся он к Мишке. – Знатный подарок. С трофеев взял?

– Угу.

– Это по-нашему. Пусть видят, следопыт у нас хоть и не реестровый, а боевой и не жадный. Прав я был. Быть новому роду казачьему.

От избытка чувств атаман тряхнул в воздухе кулаком.

– Попросить тебя хочу, Сергий Поликарпович, – заговорил Мишка, сбивая его с боевого настроя. – Сделай милость, никогда больше при мне про вожжи не вспоминай. Будет нужда, я со своими бабами сам разберусь. Раз уж отдал её мне в жёны, так и забудь, как воспитывать. Сам знаешь, в Писании сказано; да отлепится муж от родителей своих и да прилепится к жене своей. И станут они плотью единой. В общем, в своей семье я хозяин. Не обессудь.

– Да господь с тобой, Миша, – вдруг рассмеялся атаман. – Это ж я так, шутейно. А что сам разберёшься, я и не сомневался. Если уж у тебя тётка по струнке ходит, то с женой тем более справишься.

На последней фразе Мишка едва не поперхнулся чаем, но Глафира даже бровью не повела, восприняв слова казака как должное. И, дав парню отдышаться, ответила:

– А чему удивляться, Сергий Поликарпович? Я баба справная, и кто хозяин в дому, завсегда помню. Было время, я его кормила да командовала, а теперь его черёд настал.

– Вот за что моё тебе сердечное уважение, Глафира Тимофеевна, так это за ум да за мудрость житейскую, – ответил атаман, вежливо склоняя голову. – Я сразу понял, что Насте под твоим приглядом хорошо будет. Спаси тебя Христос за неё.

– Благодарствую, – поклонилась в ответ женщина с торжественной серьёзностью.

– Что там у тебя с гранатами, Миша? – вернулся атаман к делам.

– Без малого полсотни готово. Думаю, к рейду ещё пару десятков собрать успею, – ответил парень. – А пока ходить будем, вы успеете ещё всего нужного достать. В общем, к осени должно получиться, чтобы на каждого из казачьей сотни по паре штук вышло. Но тут всё от вас зависит.

– Добудем, Миша. Всё, что надо, добудем, – истово пообещал казак. – Доброе ты дело придумал. Эти твои гранаты много жизней казацких сохранить могут.

– Потому и старался, – пожал парень плечами.

* * *

«Что-то слишком гладко всё идёт. Как бы лажа какая не вылезла», – думал Мишка, привычно обыскивая очередной тело.

Вот уже вторую неделю их группа шарахается по тайге, уничтожая на своём пути всё, что хоть примерно напоминает хунхузов. Не важно, по одежде или по оружию. Идея парня навести в приграничье террор начала обретать свои очертания. За это время было уничтожено три старательских поселения, два непонятных отряда и куча мелких групп, от трёх до пяти человек.

Про добычу и вспоминать не приходится. Молодые казаки уже дважды отправлялись в станицу разгружаться. Увозили всё. Оружие, боеприпасы, золотой шлих, китайские серебряные монеты, отрезы тканей и ещё кучу всего, что казаки принимали за добычу. Само собой, это доставляло неудобства, но Мишка молчал, отлично понимая, что без этого вся его затея была бы обречена на провал.

Вот и сейчас, едва стихла стрельба, как бойцы принялись потрошить сумки и пояса убитых. Убедившись, что ничего необычного среди собранных вещей нет, Мишка подал сигнал к отходу. Гружённые добычей бойцы скрылись в подлеске, обходя сырые участки земли. Оставлять за собой след, по которому их найдут, никому не хотелось. Так что хоть и крюк в пяток вёрст, а всё одно надёжнее. Эту нехитрую истину казаки восприняли от него спокойно.

К удивлению парня, даже молодёжь, за которую беспокоился атаман, вела себя достойно, исправно выполняя возложенные на неё обязанности. Парни тащили службу стойко, не позволяя себе роптать или оспаривать приказы.

Свою флотилию, как посмеивался сам Мишка, они спрятали в маленькой заводи недалеко от устья ручья, впадавшего в пограничную реку. И, отойдя от берега метров на сто пятьдесят, обустроили лагерь. Лодки, вельбот и лёгкая пирога охранялись секретом, который сменялся каждые четыре часа.

Проведя группу в обход своих прежних следов, Мишка вывел их к ручью и по его руслу двинулся прямиком к лагерю. Спустя три часа бойцы сушились у огня, негромко обсуждая эпизоды прошедшей стычки. Сам же парень, не принимая участия в разговоре, никак не мог отделаться от ощущения, что что-то пропустил. Заметив его задумчивость, казаки насторожились. Пластун, самый старший из группы, тихо откашлявшись, спросил:

– Что не так, Мишаня?

– Сам не пойму. Словно упустил что-то, – нехотя признался парень.

Казаки, уже знавшие, про его охотничье чутьё, дружно подобрались, подтягивая оружие себе под руки.

– Так, может, стоянку сменим? – предложил пластун.

– Думаю, мы поступим так. Ты и Ермил отправитесь новое место для лодок искать. Парни сейчас лагерь свернут и отойдут на лодках выше по течению. А я по округе пробегусь. Не нравится мне эта тишина, – принял решение Мишка и принялся наматывать портянки.

– Негоже одному идти, – угрюмо возразил пластун.

– Я в тайге дома, – отмахнулся Мишка. – Но ежели что, меня не ждите. Уходите на ту сторону.

– А ты как же? – удивились казаки.

– А я с хунхузами в догонялки поиграю, – хищно усмехнулся парень. – Только гранаты свои мне отдайте. По одной с каждого.

– Давай лучше я, – предложил пластун.

– В бою ты, конечно, опытнее, но в хождении по тайге лучше меня среди нас нет, – качнул Мишка головой. – Да и хитрости у меня для бандитов особые. Их проще показать, чем объяснить.

– Потому и гранаты берёшь, – сообразил казак. – Ладно. Ежели что, ждём тебя на той стороне у кривой ивы. Знак подашь, сам за тобой на лодке приду.

– Добро. Три дня ждите. Потом в станицу уходите. Не успею к сроку, домой сам доберусь, – выдал парень последние указания.

– А через реку как же? Не вплавь же с оружием, – не унимался пластун.

– Плотик свяжу, – отмахнулся Мишка, подпрыгивая и проверяясь на погремушку.

Народ занялся своим делом, а парень, скользнув в подлесок, вдоль ручья отправился обратно к месту последней перестрелки. Теперь, налегке и в одиночку, он шёл намного быстрее. Через два часа осторожно выглянув из-под куста, Мишка с иронией еле слышно хмыкнул и, втянувшись обратно, проворчал

про себя:

– Предчувствия его не обманули. Десяток. Похоже, мы каких-то посланцев шлёпнули. Кто и куда их послал, непонятно, а вот искать кинулись. И, похоже, наших следов пока не нашли. Это радует. Но вон та парочка мне категорически не нравится. Уж больно рьяно носами по земле водят. Не хуже ищеек. Если начнут тявкать, придётся класть, – принял он решение, рассматривая упомянутых следопытов.

Но всё обошлось. То ли следопыты оказались липовыми, то ли у главаря терпения не хватило, но главмерзюк, не дождавшись результата поисков, рявкнул команду, и весь десяток дружно затопал куда-то вглубь тайги.

– Ну вот. Теперь самое время поинтересоваться, куда это вы так старательно вышагиваете, – усмехнулся Мишка, становясь им в кильватер.

Спустя четыре часа десяток спустился в небольшой распадок и слился с группой рыл в двадцать. Это уже было серьёзно. Но больше всего Мишку насторожил тот факт, что среди бандитов были один белый и двое японцев в своей пехотной форме. А вот это уже была неприкрытая наглость. Пока бандиты разбирались со своими делами, их главмерзюк направился прямиком к этой несвятой троице и, церемонно поклонившись, принялся что-то объяснять.

Внимательно выслушав его, белый сагиб задумчиво качнулся с пятки на носок и, проворчав что-то, отправил его к остальным, вернувшись к прерванному разговору, то и дело взмахом руки указывая в направлении границы.

– А ведь вы опять какую-то пакость задумали, – зло прошипел Мишка и, чуть подумав, принялся доставать гранаты.

Атаковать в одиночку три десятка бандитов было верхом глупости, но если с первых секунд выбить главарей, то потом вполне можно будет оторваться от преследования, пока бандиты справятся с паникой. Выложив перед собой пять гранат, Мишка старательно отогнул усики и, положив винтовку, примерился. Со своей засидки он видел весь лагерь как на ладони. Бандиты разложили три костра. Две гранаты в главарей и по гранате в каждый костёр. Докинуть можно запросто. Главное, потом ворон не считать.

С этой мыслью парень выдернул чеку из первой гранаты и, примерившись, отправил её в полёт. Дальше он действовал словно автомат. Рывок чеки, бросок. Схватить новую гранату, выдернуть чеку, бросить. И так пять раз. Грохот разрывов накрыл распадок, и Мишка, подхватив винтовку, привычным движением передёрнул затвор. Дождавшись, когда уляжется пыль и дым, он первым делом навёл прицел на троицу главарей и злорадно хмыкнул:

– Фарш. Никакая акупунктура не поможет.

Потом, переведя прицел на остальных бандитов, принялся методично отстреливать их, как в тире. Мишка и сам не ожидал такого эффекта, но помогло то, что все взрывы произошли в распадке. Даже тому, кто умудрился избежать осколков, досталось взрывной волной. А самое главное, что он бросал гранаты, не дожидаясь первого разрыва. Благо сам в это время находился в слепой зоне для разлетающихся осколков. Хотя от взрывной волны уши и у него заложило.

Дважды сменив магазины, парень закончил зачистку и, сменив место наблюдения, принялся высматривать возможных выживших. Но, к его удивлению, хунхузы даже часовых не выставили. С одной стороны, это было и понятно. Бандиты они и есть бандиты. Но с другой – ими командовали военные. Пусть и иного государства, но дела это не меняло. Не дождавшись никакого движения, Мишка решил обойти распадок по периметру.

Два часа он лазил по кустам и всем удобным для наблюдения точкам, но никаких следов часовых или охранения так и не нашёл. Уже в сумерках спустившись в распадок, парень принялся собирать добычу. Первым делом обыскав иностранцев, он стал обладателем кучи всяческих бумаг на английском и японском языках. Повертев эту стопку в руке, Мишка задумчиво хмыкнул и, прибрав её в сумку, взялся за остальных.

На этот раз он старался брать только самое ценное, поскольку после взрывов большая часть винтовок и вообще оружия пришла в негодность. Хотя вся его хомяческая натура просто вопила, что такое количество запасных частей лишним никогда не будет. Собрав все найденные боеприпасы, Мишка ссыпал их в один большой баул, навроде ранца, и, отправив туда же все ценности, закинул его за спину. Оставаться рядом с таким побоищем не стоило. И хотя на тайгу уже опустилась ночь, Мишка решительно зашагал в обратную сторону.

После уничтожения сразу трёх иностранных офицеров рейд придётся закончить. Получив такую оплеуху, противник примется искать диверсантов со всем старанием. Так что на это время лучше быть от зоны поисков подальше. К тому же добытые бумаги требуется срочно передать в контрразведку. Как ни крути, а офицеры иных государств, оказавшиеся в момент ведения войны у границы империи, это не пустой звук.

Отойдя от распадка вёрст на десять, Мишка устроил под елью гнездо и, не разводя огня, устроился спать.

Утром, едва начало светать, он умылся в ближайшем ручье и, вволю напившись, отправился дальше. Ещё через два часа он вышел к их старой стоянке. Здесь его ждал пластун. Коротко поведав ему о своём походе, Мишка поправил лямки ранца и, вздохнув, закончил:

– В общем, возвращаться будем. Нужно срочно бумаги в контрразведку отдать.

– Верно, – поддержал его казак. – Мы своё дело сделали. А эти теперь забегают.

– Вот и я так подумал, – усмехнулся парень, шагая следом за ним.

Ещё часа через два с половиной вельбот и лодка, подгоняемые тихими взмахами вёсел, вышли на открытую воду и начали не спеша пересекать её, одновременно сплавляясь по течению. Сидевший в лодке Мишка уже почти уверовал в благополучное завершение рейда, когда с бандитского берега затрещали выстрелы.

– Греби ровно, – скомандовал парень своему юному напарнику и, развернувшись, вскинул винтовку.

Выскочившие на берег хунхузы, торопливо дёргая затворы, палили по лодкам, сжигая патроны пачками.

– И кто вас только стрелять учил, – проворчал Мишка, раз за разом нажимая на спуск.

С каждым его выстрелом один бандит падал. Сообразив, что их просто убивают, хунхузы сосредоточили огонь на лёгкой пироге. Этого Мишка и добивался, давая тяжёлому вельботу возможность выйти из-под огня. Но как ни косоруки были бандиты, при такой плотности стрельбы начинал работать вариант случайности. Выбивая самых рьяных, Мишка не заметил, как один из бандитов пристроил винтовку на древесный сук для опоры и тщательно прицелился именно в него.

Парень менял магазин, когда пуля ударила его в левое плечо. Зашипев от боли, Мишка откинулся на спину и, оглянувшись на напарника, рыкнул:

– Греби что есть мочи. Только голову пригни.

Быстро осмотрев рану, парень облегчённо перевёл дух и, зло усмехнувшись, прошипел:

– Рано вы меня, гады, списали.

Быстро перетянув рану куском чистого холста, он сменил магазин и, выпрямившись, снова начал стрелять. И хотя до другого берега было без малого пять сотен метров, наличие оптики сводило шансы бандитов выжить к нулю. Уж что-что, а стрелять на такие расстояния Мишка тренировался специально. Угомонился парень только после того, как бандиты, не выдержав ответного огня, скрылись в подлеске.

Добравшись до берега, Мишка первым делом заглянул в стоящий рядом вельбот, громко спросив:

– Все живы?

– Целы, слава богу, – устало проворчал пластун. – А с тобой чего?

– Царапнуло малость, – отмахнулся Мишка. – Раз целы, тогда отчаливаем и идём прямо до станицы, пока эти в погоню не кинулись.

– Погоди. Дай хоть перевяжу по-человечески, – осадил его пластун.

Понимая, что совет дельный, Мишка принялся стаскивать с себя куртку. Промыв ему рану и убедившись, что это и вправду царапина, казак аккуратно наложил повязку и, помогая одеться, тихо проворчал:

– Любит тебя Господь, Мишаня. За весь рейд у всей команды ни царапины. И только на отходе одного тебя зацепило. Видать, и вправду ты на себя все грехи наши за это дело взял.

– Угу, ты ещё в святые меня запиши, – фыркнул Мишка. – Головой думать надо, а не только в неё есть. Ты казакам скажи, чтобы про поход особо не звонили. Мне за эту царапину мои бабы и так мозги вынесут не хуже пули. А ежели ещё и баек наслушаются, так вообще со свету сживут.

– Это они могут, – рассмеялся казак, сталкивая лодку и вельбот в воду.

* * *

– Ты уверен, что это были именно японцы? – спросил Владимир Алексеевич, внимательно просматривая полученные бумаги.

– Их пехотную форму на картинке видел, – пожал Мишка плечами.

– М-да, жаль, что не получилось их живыми взять, – вздохнул контрразведчик.

– Издеваетесь? – изумился Мишка. – Их там три десятка против нас пятерых было. Повезло ещё, что сумели это добыть. Да и то на отходе хлестаться пришлось.

– Слышал уже, – кивнул офицер. – И про перестрелку, и про то, как один боец подряд десять раз выстрелил, винтовки не опуская, – усмехнулся он, с ехидцей поглядывая на парня. – Сделал всё-таки свою винтовку.

– Сделал, – кивнул Мишка с лёгким вызовом. – Да ещё и заказы на неё получил.

– От казаков небось, – понимающе усмехнулся контрразведчик.

– Да уж не от военных, – хмыкнул Мишка. – От этих дождёшься, пожалуй. Скорее солдатскими телами противника завалят, чем решатся изменить что-то.

– Ты меня специально провоцируешь, что ли? – делано возмутился офицер. – Знаешь ведь, что моей власти хватает только на нашу губернию.

– Да не провоцирую я, – вздохнул Мишка, снова принимаясь за чай. – Обидно просто, что, имея в руках толковое оружие, мы не можем сделать так, чтобы военная сила империи стала выше, чем у всех остальных.

– Ты сначала казаков своих обеспечь, а потом и полицию, а дальше видно будет, – поддел его офицер.

– Уже работаю, – пожал парень плечами. – Благо мне стволы выделывать не нужно. Только казённую часть и сам механизм. Уже и кузнеца казачьего с сыном обучаю.

– Прямо своя мануфактура получается, – хмыкнул контрразведчик.

– Скорее, оружейная мастерская. И вот тут мне бы ваша помощь очень пригодилась.

– Это в чём же?

– Да в том, что рано или поздно моей винтовкой заинтересуются. И только вы сможете официально подтвердить моё право на изобретение. С вашей службой не много охотников спорить найдётся.

– А мне что с того будет? – тут же отреагировал контрразведчик.

– А я тогда не стану всех иностранцев подряд на нашей стороне уничтожать, – ехидно отозвался Мишка.

– Ну, наглец! – расхохотался офицер. – Ох, Миша. Уморил. И ведь не поспоришь. Ты, змей, со своей винтовкой мне тут настоящую бойню устроить можешь.

– А то вам плохо? Зато самим воевать не надо будет, – не сумел промолчать Мишка.

– Уговорил, речистый, – смеясь, согласился контрразведчик. – Будет разговор, скажу за тебя. А потребуется, и в суде поддержу.

– Спаси Христос, Владимир Алексеевич, – склонил Мишка голову.

– Не за что, братец, – отмахнулся офицер. – Я ведь тебе в прошлый раз правду сказал. Не так много у меня тут знакомцев, которым я безоговорочно доверять могу.

– Так, может, и вам на всякий случай гранат наделать, Владимир Алексеевич? – неожиданно предложил Мишка. – По губернии вы мотаетесь много, мало ли где пригодится?

– А что, пожалуй, лишним не будет, – подумав, легко согласился офицер. – В наших местах и с пушкой кататься можно.

– Да бог с ней, с пушкой. А вот сильно любого супостата удивить – это всегда полезно, – не принял шутки парень.

– Согласен. Сделай десяток, – вздохнув, попросил контрразведчик.

– На днях завезу и покажу, как правильно пользоваться, – пообещал Мишка, поднимаясь.

– Куда теперь? – уточнил офицер, прощаясь с ним.

– В станицу. По дому кое-что сделать надо, да и по оружию работы много.

– Ну, добро. Увидимся, – кивнул офицер, возвращаясь к бумагам.

Мишка же, выскочив на улицу, отвязал от коновязи коня и, прыгнув в седло, рысью погнал его в станицу. Не заезжая домой, парень доехал до кузни и, поздоровавшись с Елисеем, с ходу спросил:

– Получилось?

– А ты сомневался? – иронично хмыкнул кузнец, с достоинством оглаживая бороду. – Всё отлили. Теперь дело за тобой.

Забрав свой заказ, Мишка снова уселся в седло и теперь уже поехал к дому. Заведя коня в конюшню, он закинул полученный у кузнеца мешок в мастерскую и осторожно прокрался в детскую, откуда слышался голос Насти, тихо выводившей колыбельную. Увидев мужа, девушка обрадованно улыбнулась и, приложив палец к губам, заглянула в колыбель. Убедившись, что малыш спит, она бесшумно выбралась в коридор и с ходу повисла у него на шее. Влепив ей страстный поцелуй в губы, Мишка усилием воли заставил себя отстраниться и, улыбнувшись, попросил:

– Поесть собери чего. Работы много.

– Так готово всё давно. Только тебя дожидалась, – пролепетала Настя, пытаясь отдышаться.

В обнимку пройдя в общую комнату, они с трудом расцепили объятья и разошлись в разные стороны. Парень к столу, девушка на кухню. Последние месяцы беременности и всё время после родов они вынуждены были держать целибат. Что не говори, а дело-то серьёзное. Но юношеский темперамент то и дело бросал их друг к другу, заставляя терять голову от желания. С трудом уняв разбушевавшиеся гормоны, Мишка выхлебал миску наваристых щей и, утрамбовав её тарелкой каши с салом, сыто вздохнул.

Настя, улыбаясь так, что в комнате светлее становилось, внесла кипящий самовар и, ловко убирая грязную посуду, негромко сообщила:

– Казаки говорят, что на той стороне бандиты большую силу собирают. Наши пластуны уже три раза за речку бегали. Атаман к полковнику ездил про пушку договариваться.

– И как? – насторожился Мишка.

– Не знаю. Но вернулся злющий, – вздохнула Настя.

– Выходит, отказали, – помрачнел Мишка. – Это плохо. Выходит, время пришло казакам свою артиллерию заводить.

– Господь с тобой, Мишаня. Откуда ж у казаков пушки? – удивилась девушка.

– А я сделаю, – усмехнулся парень, уже мысленно примеряя свой гранатный запал к пусковой системе миномёта. – Труба бесшовная нужна. Из стали, – проворчал он, невольно озвучивая свои мысли. – Принеси из мастерской карандаш и бумагу, – попросил он, автоматически прихлёбывая чай.

Настя, уже знавшая, что в такие моменты его лучше не отвлекать, рысью метнулась за указанными предметами и, ловко подсунув их ему под руку, присела к столу, с интересом наблюдая, как на бумаге начинают проявляться его идеи. Нарисовав миномёт в разрезе, Мишка задумчиво погрыз карандаш и тут же принялся рисовать разрез мины. Кое-что прикинув, он отодвинул эскиз и, улыбнувшись жене, вздохнул:

– Должно работать.

– Неужто и вправду сделаешь? – ахнула девушка.

– Да тут всё несложно. Станки только нужны большие. И литейка. В кузне это лить долго и нудно. Придётся в депо ехать. Там мастера толковые, быстро всё нужное отольют.

– Так, может, атаману рассказать? Пусть тебе под это дело денег для мастеров даст, – осторожно предложила Настя.

– Сам справлюсь, – отмахнулся Мишка. – Так проще. Ежели что не сработает, то и ответ за деньги держать не надо. Своим рискую.

– Но ведь не для себя одного, – осмелилась возразить хозяюшка.

– Уймись, Настёна. Не обеднеем. Осенью ещё золотишка намою, – отмахнулся парень. – Заодно потом из него и тебе, и тётке всяких побрякушек наделаю.

– Как скажешь, Мишаня, – смирилась девушка.

После обеда каждый из них занялся своими делами, а утром, едва проснувшись, Мишка снова понёсся в посёлок. Завезя контрразведчику два десятка гранат, он добрался до депо и первым делом отправился на свалку. Через полтора часа мата, перебрасывания старого железа и подборки всего подходящего парень отложил всё нужное для создания лёгкого миномёта и направился в литейный цех. Поговорив с мастерами, он заказал у них пять десятков мин, уплатив деньги вперёд.

Благо для ствола труба диаметром примерно в восемьдесят миллиметров на свалке нашлась, осталось собрать спусковой механизм, механизм наведения и опорную плиту. Даже шарнир для крепления ствола к плите нашёлся. Привезя всё железо домой, Мишка с головой погрузился в работу. Первым делом собрав спусковой механизм, парень приладил его к трубе и принялся мудрить с креплением шарнира, проклиная местную индустрию. Ему крайне не хватало такой простой вещи, как сварочный аппарат. Всё приходилось крепить или на резьбе, или на клёпке.

Кое-как справившись, он перевёл дух и занялся станиной. Благо тут ничего сложного не было вообще. Железная плита из двух частей, в которую для веса он просто засыпал речного песка, после чего скрутил обе половинки болтами. Перетащив это сооружение в сарай, Мишка отправился снова в депо. На этот раз на телеге. Три дня, что потребовались мастерам на отливку нужных ему болванок, он потратил с толком. Миномёт был готов. Теперь оставалось самое главное. Сделать толковые мины.

«Хорошо хоть атаман пороху с запасом привёз. Будет что на опыты использовать», – думал Мишка, трясясь в телеге.

Получив в депо свой заказ, он развернул оглобли и двинулся обратно, снова погрузившись в свои мысли. Из задумчивости его вывел голос контрразведчика. Увидев офицера, парень натянул вожжи и, улыбнувшись, поздоровался. Кивнув в ответ, Владимир Алексеевич заглянул в телегу и, удивлённо присвистнув, проворчал:

– Это ты тоже руками кидать собрался?

– Нет. Под это у меня уже специальная пушка есть. Навроде мортиры, – усмехнулся Мишка.

– Врёшь! – ахнул офицер.

– Поехали, сами увидите, – пожал парень плечами. – Я полковнику давно уже говорил, что могу такую сделать. А он всё не мычит не телится. Вот я казакам и сделал.

– Так это, выходит, снаряды для неё? – уточнил контрразведчик, всматриваясь в груз.

– Они самые. В перед взрыватель вкручивается, а сзади порох загружается, чтобы летела.

– И далеко полетит? – не отставал контрразведчик.

– Версты на две-три. Ещё не пробовал, – ответил Мишка, почёсывая в затылке.

Про то, что он собирался начинять рабочую часть мины смесью пороха и динамита, Мишка благоразумно промолчал. Добыть нормальную взрывчатку, используемую в обычных артиллерийских снарядах, было нереально. Дошло даже до анекдота. Один из казаков, промышлявших торговлей, предложил Мишке достать японской шимозы. За отдельные деньги, конечно. Это было, когда он искал, чем начинять гранаты.

Но оказалось, что купить в империи динамитные шашки не так сложно, как казалось. Что атаман и сделал. Мишка, заказав кузнецу латунный нож, нарезал их кусочками и, смешивая с порохом, начинял этой смесью гранаты. Точно так же решил он поступить и тут. Контрразведчик, уже давно знавший, что у парня слова с делом не расходятся, в очередной раз окинул болванки внимательным взглядом и, покачав головой, проворчал:

– Если сработает, я тебе от своей службы лично премию у генерал-губернатора выбью. Кровь из носу, но тысячу рублей за такое изобретение получишь.

– Не зарекайтесь, Владимир Алексеевич, – вздохнул Мишка. – Это вы тут. А они там. Далеко. И до наших нужд им и дела нет.

– Ох, Миша, доведёт тебя язык до цугундера, – проворчал контрразведчик, неодобрительно качая головой.

– С Дону выдачи нет, – рассмеялся Мишка и, попрощавшись, тряхнул вожжами.

Застоявшийся Монгол тряхнул гривой и, навалившись на хомут, легко сдвинул телегу с места. Разогнавшись, он перешёл на короткую рысь и не спеша поволок транспорт в станицу. Разгрузив полученный груз в сарай, Мишка распряг коня и отправился отдыхать. Наполнением мин и сборкой взрывателей он решил заняться на свежую голову. Что ни говори, а работа более чем опасная.

* * *

Мина со свистящим шипением ушла в воздух, и все собравшиеся дружно уставились в точку, куда она была направлена. Спустя несколько секунд за перелеском раздался взрыв.

– Да, Миша, – вздохнул атаман, оглаживая бороду. – Удивил. Вот уж не думал, что ты сумеешь такую штуку сделать.

– Признаться, я тоже в смущении, – растерянно проворчал контрразведчик. – Знал, конечно, что от тебя многого ожидать можно, но такое… – офицер покачал головой, окидывая парня настороженным, цепким взглядом, словно прикидывая, куда бы затолкать его подальше.

– Так ведь ничего нового тут нет, – развёл Мишка руками. – Такие шутихи ханьцы испокон веков запускали. Только корпуса из бамбука делали. А так всё такое же: порох, корпус и холостой патрон малого калибра. Он тот порох и поджигает.

– Угу, а падая, взрывается так, что костей не соберёшь, – мрачно хмыкнул контрразведчик. – Значит, так, Михаил. Больше таких штук ты не делаешь. Вот есть одна, и хватит.

– Это как же? – тут же возмутился атаман. – А ежели хунхузы попрут?

– А ежели такое орудие им в руки попадёт? – ощетинился офицер.

– А вот это хрена с два, – огрызнулся казак. – Я к этим мортирам лучших бойцов в охрану поставлю. Так что ещё пару штук точно делать станем.

Заметив, как окаменело лицо контрразведчика, Мишка быстро прикинул кое-что и, тряхнув головой, ответил, гася зарождающийся спор в зародыше:

– Две много будет. Мы столько мин наделать не сможем. Не успеем просто. Ещё одну мортиру и полсотни снарядов. И то если вы, Сергий Поликарпович, сумеете ещё пороху и динамиту достать. Да и капсюлей не помешает. Ну и патронов малого калибра, само собой.

– Всё будет, Миша, – отмахнулся атаман. – Нам такие мортиры как воздух нужны.

– Ладно. Пусть ещё одна будет, – помолчав, согласился контрразведчик, едва не скрипя зубами. – А вообще, Михаил, давай с тобой так договоримся. Как только у тебя очередная идея появится, сначала со мной её обсуди. А то ты таким макаром такого напридумываешь, что чертям тошно станет. Нам только международного скандала тут не хватает.

– Защита отечества, Владимир Алексеевич, границ не имеет, – решившись, заявил Мишка, внимательно отслеживая его реакцию. – И любая моя задумка, способная это дело улучшить или облегчить, будет воплощена в жизнь. Вы уж не обессудьте, но мне мои близкие важнее, чем все иностранные государства, вместе взятые. А на скандалы мне плевать с высокой колокольни. Чиновники войну на бумаге видят. А мы тут своими глазами. Если надо, могу вас на кладбище сводить.

– Понимаю, – помолчав, кивнул офицер. – Твоя месть хунхузам давно уже местной притчей стала. Но и ты меня пойми. Нет у нас на вооружении такого оружия. И как прикажешь результаты использования генерал-губернатору объяснять?

– Похоже, премии мне как своих ушей не видать, – не удержавшись, поддел его парень.

– А вот этого я не говорил, – рассмеялся контрразведчик. – А вообще, ты прав. Давно пора было провести перевооружение казацкого воинства, да всё руки не доходили. Да они и сами неплохо справлялись, – закончил он, подмигнув

насупившемуся атаману.

– Вот пусть так и дальше будет, – нашёлся Мишка. – Нам, главное, не мешать. А с остальным мы справимся.

– Это верно, – невесело усмехнулся казак.

– А вообще, ты меня крепко удивил, Миша, – снова вздохнул офицер. – И винтовки, и гранаты, и мортира эта твоя… Страшно подумать, до чего ещё ты додуматься можешь.

– Ежели совсем туго станет, я такого напридумываю, что хунхузы собственной тени бояться станут, – зло оскалился парень. – Есть у меня ещё идеи. Но те задумки я делать стану только в крайнем случае. Уж больно там всё неприятно, – нехотя признался он, вспомнив про противопехотные мины.

– Вот и не делай, – поспешил осадить его буйную фантазию контрразведчик. – Как-нибудь и без них справимся.

– Знаю я, как наши генералы справляются, – не сумел промолчать Мишка.

– Михаил! – одёрнул его офицер. – Не надо произносить того, о чём потом пожалеть придётся.

– Ладно, молчу, – скривился парень.

Атаман, слушая их разговор, хлопнул парня по плечу и, широко улыбнувшись, заявил:

– Не грусти, Миша. С Дону выдачи нет. А твои задумки мы сами пользовать станем. А казацкому воинству все чиновники, вместе взятые, не указ.

– Атаман, даже то, что он живёт в станице и является вашим зятем, не делает его неприкасаемым, – осторожно напомнил контрразведчик. – Осмелюсь напомнить, что Миша не реестровый казак и вообще не казацкого рода.

– Зато он в нашем реестре как следопыт прописан, – злорадно отозвался атаман. – А уж их мы можем привлекать столько, сколько потребуется.

– Ловко, – помолчав, оценил офицер. – А по военному времени его никто и тронуть не может, потому как сотня постоянно в боевой готовности. И правда, ловко.

Слушая их, Мишка только глазами хлопал. Так и не найдя нужного уложения, он вынужден был ориентироваться в местной казуистике только по наитию или консультируясь с атаманом. В общем, известие о его прописке куда-то стало для парня новостью. И нельзя сказать, что неприятной. Во всяком случае, выходило, что, пока идёт война, его могут задержать только в том случае, если он примется открыто нарушать законы империи.

Во всех остальных случаях все обвинения будут отложены до окончания войны. А там или ишак сдохнет, или эмир. А если учесть, что казаки несут службу по охране границы постоянно, то любое обвинение может лежать до скончания веков.

«Приятная новость», – подумал парень, задумчиво поглядывая на контрразведчика.

– Вот только не вздумай этим нахально пользоваться, – тут же отреагировал тот, заметив его взгляд. – Не посмотрю, что нужен. Лично закатаю туда, куда ворон костей не занашивал.

– И устанете потом по тайге ловить, – вяло огрызнулся Мишка.

– Ты и вправду уймись, Миша, – крякнув, посоветовал атаман. – То, что тебе в тайге под любым кустом и кров, и стол, всем известно. Но тут дела непростые. Особенно ежели политику припишут, мать её, – закончил казак так, словно выплюнул последнюю фразу.

– Вот уж до чего мне точно дела нет, – отмахнулся парень. – Ладно. Мортиру мою вы в деле видели. Так что давайте собираться, – закруглил он показательные стрельбы.

– И вправду, пора, – кивнул контрразведчик, достав часы-луковицу и звонко щёлкнув крышкой. – Атаман, так я могу на вас надеяться и быть уверенным, что это оружие не попадёт в руки противника?

– Не извольте сомневаться, ваше высокоблагородие, – решительно кивнул казак. – Костьми ляжем, а не отдадим. Самим надобно, – с усмешкой закончил он.

– Шутники, – фыркнул офицер, усаживаясь в седло.

На стрельбы контрразведчик прибыл верхом на караковом жеребце. Откуда у него вдруг появился такой конь, Мишка не понял, но животное явно было породистым и смотрелось великолепно. Казаки с ходу оценили зверя и долго ходили вокруг, присматриваясь. Мишка, дождавшись его отъезда, быстро разобрал миномёт и, на ходу обучая собравшихся, показал, как правильно паковать его для транспортировки.

Взрослые, заслуженные бойцы следили за каждым его движением, едва не раскрыв рты. Такое простое в обслуживании и перевозке оружие вызывало у них едва ли не благоговейный трепет. Припомнив, что любая артиллерия для них всегда была несбыточной мечтой, парень только понимающе хмыкнул и принялся грузить орудие на выделенных под это дело мулов. Внимательно следивший за ним атаман, обойдя укладку, только одобрительно кивнул. Потом, усевшись в бричку, негромко проворчал:

– Ему бы ещё колёса какие присобачить, чтобы не разбирать каждый раз, так вообще бы цены не было.

– На колёсах дорогу выбирать придётся. А на муле или на своём горбу в любые буераки затащить можно, – возразил Мишка, привязывая мула к задку своей телеги, на которой стояли ящики с минами.

Точнее, это были обычные патронные ящики, которые парень приспособил для перевозки снарядов, вырезав из дерева специальные прокладки под каждую мину в отдельности. Что ни говори, а технику безопасности ещё никто не отменял. Хоть про неё в этом мире и не слышали. Но делалось это с дальним прицелом. Казаки, как потомственные бойцы, к обращению с любым оружием относились очень внимательно. Так что, уяснив однажды, что подобный способ

перевозки правильный, уже не отступят.

Вернувшись в станицу, атаман велел парню править на площадь, где у сотни был свой отдельный арсенал. Точнее, так называли большой, добротный сарай, в котором хранили запас патронов, винтовки и прочую военную амуницию, готовую к использованию. Как оказалось, помимо всем известной вольницы с личным оружием, тут была и отдельная статья обеспечения сотни всем необходимым. Другой вопрос, что за утерю или порчу оружия спрашивали с казаков гораздо строже, чем с обычного солдата. Вплоть до исключения из реестра.

Сдав миномёт и боеприпасы к нему на склад, Мишка отправился домой. Но догнавший его атаман неожиданно завёл разговор о новом оружии.

– Ты это, Миша, на его благородие сильно внимания не обращай. Нет у него в станице власти. Делай мортир столько, сколько получится, – негромко попросил казак.

– А куда нам много? – помолчав, спросил парень. – Ну, пару для сотни – это само собой. А остальные? Да и нет у нас столько народу, чтобы отдельную артиллерийскую батарею учредить. Я вот что думаю. Пару мортир сотня с собой возит. Их всегда разделить можно, чтобы противника с двух точек долбить. А ещё одну в станице поставить. Только для этого нужно будет на площади вышку крепкую поставить. Рядом с арсеналом. Тогда мы оттуда до любой околицы дотянемся, и ежели потребуется, то и через речку.

– Добрая мысля, – подумав, кивнул атаман. – Твоя мортира тем и хороша, что её быстро в любую сторону перенацелить можно. Заодно и караул там поставим, чтобы станицу охранить. И правда, крепко придумано. Завтра сам круг соберу и объясню, что делать надобно.

– Главное, чтобы снарядов на всё хватило, – аккуратно напомнил Мишка.

– За то не волнуйся. После круга сам в депо съезжу и тамошним мастерам заказ передам, – отмахнулся казак. – Ты только рисунок свой мне отдай.

– Погодите заказывать. Сперва нужно такие же трубы на свалке найти, – осадил его Мишка. – Чтобы все снаряды одного калибра были. А то форменное

безобразие выйти может.

– Это верно, – подумав, нехотя согласился атаман. – Ты мне вот ещё что скажи: когда сына крестить будешь? Пора бы уже.

– Так этим бабы мои занимаются. Мне-то не до того было, – смущённо признался парень.

– Ну да. А в крёстные кого возьмёшь? – не унимался казак.

– Елисея-кузнеца хочу просить. И казак справный, и мастер каких поискать, – вздохнул Мишка.

– Вот это правильно, – одобрил атаман. – Заодно и другие примолкнут.

– А что говорят? – насторожился Мишка.

– Да болтают всякое, – скривился казак, явно не желая развивать тему.

– Вы уж говорите, Сергий Поликарпович, – надавил парень. – А то про меня слухи распускают, а я ни сном ни духом. Нехорошо это. Неправильно.

– Тоже верно, – вздохнул атаман. – Да треплются бабы, что ты только со мной и хочешь дело иметь. А от остальных сторонишься.

– Что за чушь?! – возмутился Мишка. – Когда я в походе от кого сторонился?

– Да не в походе, а тут, в станице.

– Так что ж мне, на улицу выйти и начать ко всем прохожим с разговорами приставать? – фыркнул парень. – У меня и своих дел по горло, и вон для станичников оружие делаю.

– Да знаю я, – отмахнулся казак. – Да только бабы они бабы и есть. Чего втемяшится, кулаком не вышибешь.

– Так про то бабы болтают или сами казаки говорят? – успокоившись, уточнил Мишка.

– В том-то и дело, что бабы.

– А им-то какая печаль? – окончательно запутавшись, промямлил парень.

– Да неймётся всё подноготную твою узнать. Ну не понимают они, как ты свои махины придумываешь. А узнать-то страсть как интересно, – усмехнулся казак, качая головой. – Того и гляди, мор от любопытства начнётся.

– Не было печали, – фыркнул Мишка. – Если б я сам понимал, как оно у меня получается, – проворчал он, сворачивая к своему подворью.

* * *

В очередной раз щёлкнув затвором, Мишка улыбнулся и, протерев винтовку ветошью, отставил её в сторону. Готово. Четыре полуавтоматические винтовки, заказанные атаманом, сделаны. Правда, заказывал он только три, но ещё одну Мишка решил сделать в запас. Осталось их только отстрелять, но это дело парень решил оставить до прихода казака. Заодно и обучится правильно пользоваться новым оружием.

Дверь едва слышно скрипнула, и в мастерскую невесомой тенью просочилась Настя. Шагнув к мужу, девушка прижалась к его спине всем телом, крепко обняв за пояс.

– Соскучилась, ладушка? – улыбнулся Мишка, погладив её по запястью своей заскорузлой лапой, испачканной смазкой.

– Не то слово, Мишаня, – жарко выдохнула Настя. – Ты всё своими железками занят, а про нас всех словно и забыл.

– Господь с тобой, Настюша. Сама видишь, работы по горло.

– Вижу. Потому и молчу, – вздохнула в ответ девушка. – Спаси тебя Христос, Мишенька.

– Это за что же, милая? – удивился парень.

– За голову твою и за руки золотые. Ведь с твоими придумками казакам любое нападение отбить куда как проще будет. Слышала я, как они промеж себя про твои мортиры говорили. Атаман за твоё здоровье в церкви молебен заказал. Он, почитай, восемь лет генерал-губернатору письма слал, чтобы нам хоть пару пушек каких прислали, а оттуда только обещания. А теперь у сотни свои орудия будут. То-то хунхузы обрадуются, – злорадно закончила она.

– А бабы что говорят? – поинтересовался Мишка, припомнив давешний разговор с атаманом.

– Да ну их, балаболки глупые, – фыркнула Настя.

– Что, опять про вожжи лепят? – не удержавшись, поддел жену Мишка.

– Да пусть болтают, – отмахнулась девушка, одним гибким движением проскальзывая у него под рукой и оказываясь спереди.

– Неужто и вправду бы стерпела, кабы я ради их языков за вожжи взялся? – не сумел не спросить парень, которого этот вопрос действительно интересовал.

– А хоть бы и так, – с вызовом ответила Настя, глядя ему в глаза. – От тебя всё вынесу.

– Не дури, Настёна, – качнул Мишка головой, прижимая её к себе. – Сказал же, просто так и пальцем не трону.

– Да хоть вожжами, хоть кнутом, Мишенька. От тебя всё стерплю, – истово ответила девушка, обнимая его за шею. – Ты себе цены не знаешь. Я ведь думала, что так всю жизнь во вдовьем платке и прохожу. А ты взял и женился. А теперь у меня ещё и сынок от тебя. И пусть попробует кто рот открыть. Я теперь не порченная. Я теперь мужняя жена, и муж у меня не абы кто, а первый следопыт на весь перегон, да ещё и оружейник первейший.

– Уймись, Настёна. Не рви сердце, – принялся успокаивать её Мишка, ласково целуя. – Было, да прошло. Как Гриша, спит? Хныкал вроде.

– Зубы режутся, вот и хнычет, – отмахнулась Настя, счастливо улыбаясь.

– Не рановато? – усомнился Мишка.

– А ты ему в ротик загляни, – рассмеялась девушка. – Все дёсны припухли, и в рот всё подряд тянет. Да ещё и за грудь кусает так, что аж больно.

«Или я дурак, или дети тут быстрее растут, – подумал Мишка, отвечая на её поцелуи. – Мальчишке всего три месяца, а уже зубы. Ладно, в этом случае лучше помолчать. За умного сойду».

– Тятя Миша, а ты когда мне серёжки сделаешь? – послышался вопрос, и на пороге комнаты возникла Танюшка.

– Сделаю, дочка. Вот как раз с винтовками закончил, так что на очереди серёжки тебе, – рассмеялся Мишка, подхватывая девчушку на руки.

– А не рановато ей, Мишенька? – усомнилась Настя. – Это ж нужно будет ушки проколоть.

– И что? Она девочка сильная. Потерпит. Правда, дочка? – с улыбкой спросил парень.

– Потерплю, – решительно кивнул ребёнок. – У тебя серёжки есть, – повернулась она к Насте. – У бабы Глаши тоже есть. Вы ушки кололи и терпели. И я потерплю.

– Вот и умница, – рассмеялся Мишка, щекоча её. – А хочешь, я тебе сам их проколю? – неожиданно предложил он.

– Мишенька, твоё ли это дело? – всполошилась Настя. – Бабки повитухи всё сделают.

– Угу, знаю я ваших бабок. Руки перед делом помыть и то забывают. Нет уж. Сами справимся. Верно? – снова спросил он Танюшку, слегка её подкидывая.

– Верно, – хохоча, легко согласилась девочка.

– Ну, тогда слезайте и тихонечко в уголке посидите, – велел парень, опуская дочку на пол и усаживаясь за стол.

Для изготовления украшений своему бабьему царству он давно уже приготовил моточек золотой проволоки. Регулярно бывая в кузнице, он попросил Елисея сделать ему ювелирный сплав. Две части золота и одну часть серебра. Чистое золото слишком мягкий металл, и застёжки на украшениях из него очень быстро приходят в негодность. А при добавлении серебра сплав становится гораздо прочнее.

Разложив на столе всё нужное для работы, Мишка задумчиво посмотрел на дочку и принялся рисовать. Делать просто кольца было скучно. Накидав пару эскизов, он поднял лист перед собой и, переводя взгляд с дочки на рисунки и обратно, принялся выбирать подходящий. Настя, сидевшая рядом с девочкой, смотрела на мужа со смесью уважения и восхищения. Заметив её взгляд, Мишка смущённо улыбнулся и, чуть пожав плечами, принялся работать.

Растянув проволоку, он прикрутил к столу струбциной дощечку с вбитыми в неё тонкими гвоздиками, на которых и стал вывязывать узор. Несколько плавных, осторожных движений, и небольшое полукольцо, состоящее из винтовых прожилок, обрело первые очертания. Самое сложное было в том, чтобы вывести узор так, чтобы оба конца оказались с разных сторон украшения. Выгнув короткий конец на задней стороне петелькой, Мишка согнул дугу из второго конца и, завернув самый кончик, обрезал проволоку. Примерно полтора часа работы, и серёжка готова.

– Как вам? – спросил он, демонстрируя девчонкам свою работу.

– Ох, Миша, это ж красота какая! – ахнула Настя.

– А тебе как, егоза? Нравится? – с улыбкой спросил Мишка у дочери.

– Это правда мне, тятя? – еле слышно спросила Танюшка, распахнув глазища во всю ширь.

– Уж точно не мне, – рассмеялся парень. – Так что скажешь? Делать вторую?

– Делай, – зажмурившись, словно чего-то испугавшись, решительно кивнула Танюшка.

Подмигнув жене, парень вернулся к работе. Теперь, когда технология была отработана, дело пошло быстрее. Закончив вторую серёжку, Мишка осторожно прокатал пару на плите для дроби и, положив их на ладонь, поднёс Танюшке.

– Вот, дочка. Эти серёжки ты и будешь носить. Нравится?

– Очень, – тихо ответила девочка, завороженно глядя на украшение.

– Вот и слава богу, – улыбнулся Мишка и, подхватив её на руки, скомандовал: – Пошли. Сейчас всё и закончим. Настя, неси там из чулана первач.

Подскочив, девушка вихрем унеслась на кухню и, погремев там чем-то, вынесла в общую комнату четверть чистейшего первача, который Мишка использовал в медицинских целях, благо в нём было не меньше семидесяти градусов. Во всяком случае, горел он ярко и вспыхивал сразу. Взяв кусочек чистой холстины, парень тщательно протёр руки и, плеснув первача в блюдце, бросил в него серьги.

Другой тряпицей он протёр ребёнку ушки и, достав из шкатулки иглу, которой сшивал кожу, затеплил свечу. Прокалив иглу, он тщательно протёр её всё тем же первачом и, повернувшись к дочке, спросил:

– Ну что, Танюшка, готова малость потерпеть? Это не сильно больно. Я всё быстро сделаю.

– Делай, тятя, – подумав, решительно кивнула девочка и повернула головку, подставляя ему ушко.

Чмокнув её в макушку, Мишка пальцами потёр ей мочку, чтобы слегка уменьшить чувствительность, и одним быстрым движением пробил её насквозь. Вытащив иглу, он бросил её в блюдце с первачом и, подхватив серёжку, вставил её в прокол. Застегнув украшение, Мишка отступил и, заглянув дочке в лицо,

спросил:

– Вторую будем колоть, или как?

– Коли, тятя. Ты не больно делаешь, – улыбнулась Танюшка сквозь слёзы.

– Мой характер, – рассмеялся парень, целуя её в нос, и снова взялся за иглу.

– Мне и вправду не больно. Страшно только, – призналась девочка.

– Не бойся, милая. Уж я тебе лишней боли точно не хочу, – поспешил успокоить её Мишка, массируя вторую мочку.

Операция повторилась, и спустя пару минут игла тихо звякнула о блюдце. Подхватив дочку на руки, Мишка поднёс её к зеркалу и, ткнув пальцем в отражение, сказал:

– Любуйся, красавишна. Ты теперь у меня совсем взрослая. Свои серёжки имеешь.

Забыв про боль и страхи, Танюшка принялась вертеть головой перед зеркалом, рассматривая себя во всех ракурсах. Глядя на неё, Мишка не мог сдержать улыбки. Встав рядом с ним, Настя положила голову ему на плечо и, пряча улыбку, еле слышно прошептала:

– Сказал бы кто, не поверила. Говорю же, руки у тебя золотые.

– Вы чем тут заняты? – спросила Глафира, влетая в дом. – Чего это вы хором к зеркалу прилипли?

– А сама посмотри, – улыбнулся в ответ Мишка, ставя перед ней Танюшку.

– Ох ты господи! – ахнула женщина. – Сынок, это откуда ж такая красота? – спросила она, рассмотрев серьги.

– Тятя мне их сам сделал, – гордо заявила Танюшка, подбоченясь.

– Быть не может, – растерянно качнула Глафира головой.

– Сделал. На наших глазах, – подтвердила Настя. – И ушки ей сам проколол. Только что.

– Так нужно серьги живицей смазать, – всполошилась Глафира и, не дав им что-то ответить, метнулась в сени.

Спустя минуту, разогнав молодёжь по углам, она, причитая, ловко смазывала серёжки сосновой смолой, ласково успокаивая улыбающуюся Танюшку. Наблюдая за ней, молодые только улыбались. Глафира же, закончив с ребёнком, тут же принялась накрывать на стол, то и дело поглядывая на девочку.

– Что не так, мама Глаша? – спросил Мишка, заметив её взгляды.

– Богатые серьги получились, – вздохнула тётка. – Не для такой малышки.

– Пусть будет, – отмахнулся Мишка. – Мы не голь перекатная. Уж свою семью я всегда прокормлю.

– Угу, особенно если и дальше станешь на казачье воинство за свой счёт мортиры делать, – ехидно отозвалась тётка.

– Зато потом они мне пороху, капсюлей и свинца привозят и отчёта не требуют, – нашёлся парень. – А это припас охотничий, который дороже всего стоит.

– Ну, тебе виднее, – тут же включила тётка заднюю.

– Лучше скажи, нравятся тебе серьги или нет? – потребовал Мишка.

– Красивые, – помолчав, вздохнула Глафира.

– Вот и славно. Значит, тебе следующие будут, – рассмеялся Мишка.

Неожиданно для себя он вдруг понял, что ему нравится баловать своих женщин. А различные украшения делать, умея работать с железом и имея богатую

фантазию, было несложно. Конечно, было бы здорово, будь у него под рукой газовая горелка, но и так неплохо получалось. В крайнем случае можно будет вырезать из глины форму и отлить очередное украшение. Вспомнив, как в юности они делали из электродов по нержавейке браслеты, Мишка только усмехнулся. Вот и ещё один способ изготовления украшений.

– Ты бы лучше из серебра ей серьги сделал на каждый день. А эти – на праздники, – помолчав, неожиданно посоветовала Глафира. – Она с ребятишками по всей станице носится, потеряет где, не приведи Господь.

– Не потеряет, – подмигнул Мишка притихшей дочке. – Она девочка умная и хозяйственная. А и потеряет, невелика беда.

– Не потеряю, баба Глаша. Я за ними очень крепко смотреть буду, – пообещала Танюшка, готовясь расплакаться.

– Да как сами решите, – посмотрев на неё, махнула тётка рукой. – Я ж предложила только.

– На праздники я ей другие сделаю. Богаче, – рассмеялся Мишка, обнимая тётку.

– Избалуешь девчонку, Мишенька, – проворчала тётка, погладив его по щеке.

– А и ладно. На то и дитё, – отмахнулся Мишка, перехватывая спешащую на кухню Настю и вскидывая её на руки.

* * *

Почти всё лето Мишка потратил на то, чтобы переделать как можно больше винтовок из казачьего арсенала. По примеру атамана опытные бойцы начали заказывать новое оружие и себе. Пришлось даже устроить небольшие курсы по обучению пользованию новой винтовкой. Дело спорилось. Подключив к делу кузнеца, Мишка не прогадал. Опытный мастер отливал заготовки под основные подвижные части и после ручной доводки немного их подкаливал. Остальное они выгибали из тонкой листовой стали, после чего доводили вручную.

Вся команда трудилась не покладая рук. Теперь, когда Мишка оказал кузнецу честь, попросив его стать крёстным отцом своего сына, их отношения перешли на новую ступень. Это уже не просто два мастера в одной мастерской, а почти родственники, объединённые общим делом. Попутно Мишка регулярно вносил изменения и улучшения в техническое оснащение кузницы. Теперь, благодаря дизельному двигателю и тяжёлому редуктору, у них были и токарный, и фрезерный станки, которые мастера вскладчину приобрели в депо.

Мишка и тут вынужден был пуститься на хитрость. Старые станки, которые правление депо решило продать, он выкупил не просто так, а заранее договорившись с теми же мастерами в том же депо о полной их реставрации. Имея под рукой собственный литейный цех, мастера заменили все трущиеся части, доведя станки почти до идеального состояния. Заодно он там же прикупил и разный режущий инструмент. В общем, его усилиями кузня превратилась в небольшой филиал ремонтных мастерских депо. Но знали об этом немногие.

Точнее, только те, кому это было интересно. Атаман и казачий круг всячески эти начинания поддерживали. Теперь, когда в станице появился свой оружейник, казаки старались сделать всё, чтобы его не смогли переманить те же военные. Полковник Белецкий, слишком занятый делами полка и узнавший обо всех Мишкиных перипетиях слишком поздно, долго матерился, грозя всеми карами небесными своим тыловикам, упустившим такой шанс. Но было уже поздно.

Так что с тех пор все оружейные новинки парня полковник взялся отслеживать лично, то и дело наведываясь к нему в гости. Постреляв из новой винтовки, полковник с грустным вздохом вернул оружие и, покачав головой, проворчал:

– И рад бы для полка такие заказать, да только без приказа сразу погон лишусь.

В ответ Мишка только руками развёл, отлично понимая его состояние. Держать в руках оружие, которое способно перевернуть весь ход войны, и не иметь возможности этим воспользоваться. Примерно такую же реакцию вызвала и демонстрация миномёта. Белецкий примчался в станицу как раз к очередным учебным стрельбам. Атаман сформировал расчёт для орудия, и Мишка старательно обучал молодых мужчин, как правильно устанавливать и наводить миномёт, когда примчавшийся полковник ввалился к нему во двор и, оглядевшись, не здороваясь, спросил:

– Где она?

– Кто, Александр Ефимович? – включил дурака Мишка, внутренне потешаясь.

– Мортира твоя. Показывай, – потребовал Белецкий, похлопывая себя стеком по голенищу сапога.

– Так вот стоит, – улыбнулся парень, отступая в сторону и рукой указывая на трубу.

– Вот эта труба с треногой?! – растерянно уточнил полковник.

– Она самая, Александр Ефимович, – кивнул Мишка, решив не вступать в долгие споры. – Вот сейчас разберём, отвезём за околицу и постреляем. Там сами всё и увидите.

Понимая, что это не шутка, Белецкий отступил в сторону и, закурив, принялся пристально рассматривать новое орудие. Тем временем расчёт под присмотром парня быстро раскидал миномёт на составные части и, упаковав, погрузил на мула. Второй мул нёс на себе пару патронных ящиков с минами. Выведя расчёт за околицу, Мишка указал казакам место установки орудия и направление выстрела, после чего отступил в сторону. Теперь им предстояло сделать всё самостоятельно.

Глядя, как казаки собирают миномёт, полковник только головой качал. Простота и удобство конструкции поражали его. Не удержавшись, Белецкий сунул нос везде, где только мог, после чего принялся осматривать мины. Тут Мишке пришлось вмешаться, чтобы он в порыве любознательности не грохнул чем-нибудь по взрывателю. Коротко объяснив ему принцип их действия, парень отдал команду на стрельбы.

Выпустив по многострадальному оврагу десяток мин, казаки принялись сворачивать миномёт, а парню пришлось отправиться с полковником к точке обстрела, чтобы прокомментировать результат. Белецкий, пройдясь по оврагу и выковыряв из стены пару осколков, снова закурил и, глядя на Мишку, буркнул:

– Всё-таки сделал. А ведь я тебе тогда так до конца и не поверил. Господи, как же глупо.

– Что именно? – не понял Мишка.

– Всё это. Простейшее оружие, способное резко переменить ход войны, а мы вынуждены делать вид, что его не существует. И всё только из-за кучки генштабовских снобов, да ещё из-за своры богатых либералов, готовых ради собственной выгоды продать всё, включая родину. Ты знаешь, что они отправили японскому императору поздравительную телеграмму, восхваляя его за объявление войны?

– А власти чего? – спросил Мишка, делая вид, что сильно удивлён, хотя помнил, что в его истории что-то подобное тоже было.

– Сделали вид, что не заметили, – скривился полковник.

– Ну, молитва дело добровольное, – проворчал Мишка, перефразировав поговорку из собственной юности.

– Это ты к чему? – не понял полковник.

– К тому, что ежели властям охота, чтобы в них плевали, так это их дело. Я бы всю ту свору под нож сразу пустил. Не глядя на чины и родословные.

– Я бы тоже, – помолчав, жёстко усмехнулся Белецкий. – Ладно, Миша. Пошли обратно. Утёр ты мне нос, ничего не скажешь, – грустно усмехнулся полковник.

– Вот уж чего я совсем делать не собирался, Александр Ефимович, – качнул Мишка головой. – Нужда возникла у казаков, вот и сделал. Получили бы вы разрешение, сделал бы вам. По мне, чем хунхузам хуже, тем лучше.

Полковник только понимающе кивнул и направился к подъёму из оврага.

Вернувшись домой, Мишка с порога увидел гостя. Атаман, сидя за столом, чинно прихлёбывал чай, о чём-то негромко переговариваясь с Настей. Девушка хлебосольно накрыла стол, угощая родственника. Тётку снова куда-то черти

унесли. И, похоже, вместе с Танюшкой. Поздоровавшись, парень присел к столу и, получив от жены чашку чая, вопросительно посмотрел на казака.

– Через два дня сотня в рейд по границе пойдёт. Я велел и мортиры твои прихватить. На всякий случай, – сообщил атаман, оглаживая бороду.

– Правильно, – решительно кивнул Мишка. – Развернуть их недолго, а пользы много. Да и привыкать к ним бойцам надо.

– Вот-вот, и я так подумал, – кивнул казак. – А к тебе я вот по какому делу. Думаю, до осени ты из станицы никуда не уйдёшь. Верно?

– Так некуда, да и незачем, – развёл парень руками.

– Думаю, будь твоя воля, ты бы нашёл, куда и зачем, – поддел его атаман.

– Это верно, – улыбнулся в ответ парень. – Да только теперь у меня тут и жена, и сын маленький, а война – вон она, за речкой. Доплюнуть можно. Так что нет. До осени никуда не пойду.

– Вот и слава богу. А то сотня уйдёт, а станицу и охранить некому будет. Народу останется полтора инвалида да дюжина мастеров.

– Говорил ведь, давить хунхузов надо. И плевать на все приказы. Пусть сначала докажут, что вы границу переходили, – брякнул Мишка, скривившись.

– Из-за твоего рейда на той стороне переполох большой получился, – кивнув, вдруг сообщил казак. – Есть у меня там несколько знакомцев старых. Дела разные вели. Вот от них и узнал. Хунхузы и вправду напуганы. А главное, теперь их никто толком в кучу собрать не может.

– А что, есть кому? – насторожился Мишка.

– Иностранцы наехали. Белые, – многозначительно пояснил атаман.

– Далеко от границы? – быстро уточнил парень.

– Вёрст двадцать. Собрали под сотню рыл и учатся, как правильно в деревне воевать. Специально для этого в тайге потешную деревеньку поставили.

– Вот, значит, как, – задумчиво протянул Мишка. – Интересно.

– Вот и мне интересно стало, – кивнул атаман. – Отправил двух пластунов сбегать посмотреть. Да только не получилось у них. Хунхузы собак туда привели. Кидаться не кидаются, но брешут на любой звук.

– А ты, Сергий Поликарпович, тех людей, что весть принесли, хорошо ли знаешь? – подумав, вдруг спросил Мишка.

– Это ты к чему? – не понял атаман.

– Уж очень всё это на ловушку смахивает, – помолчав, тихо ответил парень.

– С чего так решил? – насупился казак.

– А сам подумай. Пусть твои знакомцы контрабандой промышляют и связи у них разные есть. Но про место и количество бандитов, ежели военные всё хотят в тайне сохранить, как узнали? А главное, зачем им знать всё это? Не скажу, что их купили или они сами на врагов наших работать стали. Не знаю. Но их могли просто самих обмануть. Специально такие слухи пустили, чтобы нас в ловушку заманить и прибить одним махом.

– И как узнать? – подумав, вздохнул атаман.

– Тебе точное место той деревеньки указали? Куда пластуны бегали?

– Самой деревни они не нашли. Не дошли просто. А место… – атаман задумался, как правильно объяснить.

– У нас такой карты нет, верно? – подсказал ему Мишка.

– Точно.

– Так и думал, – кивнул Мишка. – Специально такое место выбрали, чтобы непонятно было, куда и как идти. Не иначе, британцы веселятся. Это они на такие задумки мастера.

– Ты словно всю жизнь с ними воевал, – удивлённо качнул казак головой.

– Читал про разные войны много, – отмахнулся Мишка, обдумывая ситуацию.

С одной стороны, лезть в приготовленную по всем правилам ловушку – это самоубийство. А с другой – сходить туда и навести шороху, заодно пришибив пару умников, было бы весьма кошерно. Это разом отобьёт у всех желающих охоту связываться с казачьим воинством. Да и на хунхузов произведёт должное впечатление. В общем, тут крепко думать надо. А главное, поговорить с теми пластунами, что за кордон бегали.

– Что задумал, Миша? – настороженно спросил атаман.

– Прикидываю, как орешек этот расколоть и с прибытком остаться, – усмехнулся Мишка.

Настя, не удержавшись, еле слышно охнула и, вскочив, умчалась на кухню.

– Переживает за тебя, – вздохнул атаман, глядя ей вслед.

– Так я и сам за себя переживаю, – отшутился Мишка. – Но время-то военное, и в сторонке отсидеться не получится. В общем, тут крепко думать надо, – закончил он. – Сведёте меня с теми пластунами?

– Поговорить хочешь, – понимающе кивнул казак. – Сведу. Дело серьёзное, и голова твоя тут не лишней будет. Только Христом богом тебя прошу, не рискуй зазря. Не прощу себе, если Настя снова вдовий плат наденет.

– Волков бояться – в лес не ходить, – отмахнулся Мишка. – Мне моя жизнь и самому мила. Так что дуриком не полезу. Но пощупать это дело нужно. Сами говорите, сотня уйдёт скоро. А если там и вправду бандитов готовят, чтобы на станицу напасть? Нет, тут наперёд работать надо. Но с умом.

– Вот и подумай. И учти, одного я тебя не отпущу. Двух пластунов с тобой отправлю. Понял?

– А сотня как же? – растерялся Мишка.

– Их пятеро, так что и на сотню хватит, – твёрдо ответил атаман.

* * *

Разговор получился тяжёлый. Пластуны, отлично знавшие приграничные территории, не могли толком показать их на карте, тем более что толковых карт той местности, считай, и не было. Так что Мишке пришлось рисовать кроки, опираясь на их рассказы и пояснения. Устав выяснять, откуда и куда текут ручьи и с какой стороны начинается спуск в очередной распадок, Мишка плюнул и, бросив карандаш, в сердцах проворчал:

– Проще самому туда сбегать, чем так мучиться.

– Не пройдёшь, – качнул головой старший группы пластунов, попыхивая трубкой. – Там болото по краю и берега топкие. А с другой стороны секреты понаставлены. С собаками. Они нас и спасли. Лай подняли, мы и ушли сразу.

– Вот это меня и насторожило, – кивнул парень. – Выглядит так, словно вас специально к нужному месту подвели и спугнули, не дав ничего рассмотреть толком.

– И зачем это? – не понял пластун, крепкий казак примерно лет сорока.

– А затем, чтоб любопытство раздразнить. А раньше вы там бывали?

– Был однажды, – кивнул казак.

– И как там всё расположено? Ты сказал, болото по краю. А дальше?

– Ну да. Болото вот так, подковой, – принялся вспоминать пластун, рисуя узловатым пальцем на столешнице, – вот тут ручей в то болото впадает, а

промеж них островок. Земля плохая. Камень сплошь.

«Похоже, скальный выступ», – мелькнула у Мишки мысль, пока он быстро зарисовывал описанное.

– А островок большой? – уточнил парень.

– Версты полторы на сторону клади, не ошибёшься.

«Примерно девять квадратных километров. Однако», – хмыкнул Мишка.

– Выходит, им там есть где развернуться? – предположил он.

– Места хватает, да только не везде даже ночевать станешь. Говорю же, камень сплошь.

– А через болото это пройти можно? – подумав, задал парень следующий вопрос.

– Нет, – последовал категорический ответ. – Топи.

– А ежели лодочкой лёгкой?

– По болоту? – удивился казак.

– На пироге, что у хунхузов взяли, и шестом толкаться.

– Медленно станет. За ночь не управишься. Да ещё и собаки.

– А что собаки? – пожал парень плечами. – Их же на подходе по суше держат, а не по краю болот.

– Хм, хитёр. Ежели лодочку ту ветками закидать, да тихой сапой, то может и выгореть, – задумчиво проговорил пластун, азартно сверкнув взглядом.

– Вот и я за то. А ещё нужно вот этот ручей проверить.

– Зачем?

– Чтобы знать, можно ли по нему плот провести, и узнать, сколько от того ручья до островка, – хитро усмехнулся Мишка.

– А на плоту чего? – оживился казак.

– А мортирка моя. Она не тяжёлая, плот должен выдержать. Они нас вживую ждут, а мы краешком пройдем, нужные места разнюхаем – и обратно. А потом из мортиры их лагерь снарядами закидаем, – хищно оскалился парень. «Самое поганое, что тут никакой связи нет, чтобы тот огонь корректировать», – закончил он про себя.

– Пройдёт плот по ручью. Он неглубокий, но широкий. Пройдёт. А до островка там версты полторы будет, – подумав, решительно кивнул пластун.

– Так что, казаки? Может, сбегаем? Зальём им сала за воротник? – усмехнулся Мишка так, что даже бывалые бойцы поёжились.

– Втроём пойдём? – помолчав, уточнил старший из пластунов.

– Пару молодых казаков возьмём. Троих для такого перехода мало, – нехотя признал парень.

– Мало. Пятерых надо, – заявил пластун, что-то прикинув. – Плот и пара лодок. На одной по болоту пойдём, а вторая со снарядами будет.

– Тогда три лодки надо. Обратно очень быстро удирать придётся. Сразу после стрельбы мортиру разобрать – и в лодку. А там дай бог ноги. Точнее, вёсла, – подал свою идею Мишка. – И компас нужен.

– А это ещё что? – не понял пластун.

– Прибор такой. У него стрелка всегда на север указывает, как его ни поворачивай.

– Видел такой, – вспомнив, закивал казак. – А зачем он нам?

– А пока мы в разведке будем, зарисуем всё, что увидим, и по компасу направление отметим. А после, когда вернёмся, по тем отметкам и начнём долбить.

– Есть у меня прибор такой, – неожиданно проговорил молчавший до этого момента атаман и, заметив удивлённый Мишкин взгляд, добавил: – С иностранца одного трофеем взял. Так и лежит с тех пор. Думал, пацанам в забаву отдать, да те отмахнулись. Им оружие интереснее было. Так в ящике и валяется.

– Сегодня же заберу и проверю, – быстро ответил Мишка. – Ежели рабочий, считайте, повезло нам.

– Неужто дотянешься из мортиры-то? – не поверил атаман.

– Мы по оврагу более чем в версте стояли, когда тренировались, – отмахнулся парень. – Ежели её правильно навести, она и на две дотянется. Так что, казаки, сбегаем? – повернулся он к пластунам.

– Сбегаем, – помолчав, кивнул старший пластун. Его напарник только молча кивнул, поддерживая.

– Тогда следующей ночью и пойдём. С собой винтовки нового боя, патронов от пуза и три десятка снарядов к мортире. Два дня нам на подготовку. Сергий Поликарпович, прикажи мастерам плот прочный сколотить. Только небольшой. Шага три в ширину и шагов пять в длину. Больше не надо.

– Сделаем, – коротко кивнул атаман.

На этом военный совет был окончен. Выйдя из трактира, где они и сидели, Мишка устало потянулся и, вздохнув, оглянулся на выходящего атамана. Тяжело спустившись с крыльца, казак огладил бороду и, покосившись на парня, тихо спросил:

– Думаешь, получится из мортиры-то?

– Как раз из мортиры и получится. Главное, разведку толком провести и все места, где они собираются, пометить. А там на всё Божья воля, – усмехнулся

Мишка.

– Ты там особо не геройствуй, – посоветовал атаман. – Ежели чего, бросайте всё, и ходу. Оружие и снаряды и сделать потом можно будет, а вот жизни уже не вернёшь.

– Они нас только на реке перехватить и могут, – ответил парень, убирая в карман свои кроки. – Между нами болото будет. Так что придётся ещё пяток парней на этом берегу посадить, напротив устья ручья, чтобы отход огнём прикрыли.

– А вот это дельная мысля, – обрадовался атаман. – Выделю десяток парней. Из молодых.

– Главное, чтобы стрелять хорошо умели, – усмехнулся Мишка.

– Ну, до тебя им ещё далеко, а так особо промаху не дают. Да их и сам знаешь. Они все с твоими японками бегают.

– Ну да. Этих можно, – задумчиво кивнул парень, вспоминая, как обучал подростков правилам точной стрельбы.

Следующие два дня были посвящены подготовке к рейду. Вычистив винтовку и револьверы, Мишка перебрал боеприпасы и проверил свою аптечку. Потом сбегал на лесопилку, где собирали заказанный им плот. Убедившись, что это сооружение выдержит не только лёгкий миномёт, а и настоящую гаубицу, парень отправился к атаману. Получив у него компас, он проверил его работу и, убедившись, что прибор рабочий, вернулся домой.

Женщины, уже зная о его затее, тихими тенями шмыгали по дому, даже не пытаясь отговаривать. Понимали, что старается и рискует он, прежде всего, ради них. Только Настя ночью, не удержавшись, выжала его досуха, словно никак не могла насытиться. Понимая, что жена таким образом пытается укрыться от страха, Мишка старался быть с ней особенно ласковым.

Вечером следующего дня вся команда погрузилась в лодки и, взяв плот на буксир, отправилась в рейд. Десяток казачат с оружием встали лагерем на этой

стороне, напротив устья ручья, получив вполне конкретные указания вести постоянное наблюдение за рекой и не вылезать на берег, чтобы не насторожить бандитов раньше времени. А самое главное, стрелять только в том случае, если за группой будет погоня.

Тихо загребая вёслами, казаки вывели лодки на открытую воду и, проскочив быстрину, углубились на территорию противника вверх по течению, благо течение тут было несильным. Не сильно напрягаясь, казаки провели лодки километров тридцать и, выйдя к краю болота, встали под противоположным от него берегом. Подогнав лодку к плоту, Мишка шёпотом подозвал пластуна и, тыча пальцем в сторону трясины, спросил:

– Точно знаешь, что отсюда до островка ближе всего? Главное, чтобы мортира дотянулась.

– Точно, – решительно кивнул казак. – Тут ручей петлю делает в сторону болота. А вон там ещё один ручей в этот впадает. Место точное.

– Вот и слава богу, – вздохнул Мишка. – Тогда собираем мортиру, маскируем её ветками – и на разведку.

– Парни сами справятся. А мы с тобой можем прямо сейчас идти, – вдруг заявил пластун.

– Добро. Тогда перебирайся и поехали, – чуть подумав, кивнул Мишка.

Казак ловко перескочил с плота в пирогу и, подхватив с днища длинный шест, направил лодку в едва заметный ручей. Спустя пару десятков метров он свернул в болото, ориентируясь по каким-то своим приметам. Скорость сразу упала, но Мишка взялся помогать ему вёслами. Медленно, но верно пирога пересекала болото, приближаясь к нужной точке. К утру, когда над водой поднялся туман, они сделали короткий перерыв, по очереди немного поспав, а когда рассвело, осторожно двинулись дальше.

Мишка в этих местах никогда не бывал, так что от советов и вопросов старался воздерживаться. Как пластун не терял направления, он так и не понял, но не особо удивился, когда нос лодки раздвинул заросли осоки, и казак, присев, пальцем указал ему вперёд. Сообразив, что они подобрались к самому краю

острова, Мишка осторожно перебрался вперёд и, разложив на коленях бумагу, достал бинокль.

Полдня он зарисовывал всё, что попадалось ему на глаза. Как оказалось, здесь действительно был создан тренировочный лагерь, и командовали в нём три белых офицера и пятёрка азиатов. Особо пометив палатки, в которых обитала вся эта камарилья, Мишка на всякий случай зафиксировал график смены часовых и, оглянувшись на пластуна, еле слышно сказал:

– Посоветоваться надо.

– Чего, Миш? – моментально перебравшись поближе, спросил казак.

– Есть у нас два варианта. Первый – мы отсюда уходим и начинаем долбить всё, что заметили. Второй – мы делимся на две группы, и одна устраивает пальбу, а вторая после неё идёт на остров и проводит полную зачистку. Чтобы ни одна сволочь не ушла. А ещё неплохо бы кого из тех командиров захватить. То-то контрразведка порадуется. Да и кассу их найти неплохо бы.

– Лучше тебя с мортирой никто не управится, – помолчав, вздохнул казак. – А зачистку мы и сами сделать можем.

С лёгкой руки парня это слово «зачистка» стало у казаков обиходным. Каждый из них уже отлично понимал, что это означает. Понимая, что он прав, Мишка вздохнул и, кивнув, принялся объяснять ему, как и что надо делать. А главное, что надо найти и забрать обязательно. Внимательно выслушав его, пластун задумчиво потёр мочку уха и, ухмыльнувшись, кивнул:

– Сделаем, Миша. Всё как сказал сделаем.

– Тогда возвращаемся.

Пластун снова взялся за шест, и пирога, еле слышно шурша бортами по осоке, пошла обратно. К обеду они выбрались в ручей и, перекусив, начали готовиться к акции. Стрельбу было решено провести ночью. Темнота и грохот разрывов должны были навести в лагере панику, что поможет казакам провести захват и изъятие нужных лиц и документов. По общему решению, на каждое сооружение

было решено сбросить по три снаряда. Для верности.

Разложив на ящике свои кроки, Мишка переставил миномёт и принялся наводить его на первую цель. Казармы. Точнее, то, что этим словом тут называлось. Чем больше рядовых бандитов полягут в первые минуты боя, тем легче будет пластунам. Едва стемнело, казаки погрузились на пирогу и скрылись за кустами. Теперь оставалось только ждать. То и дело поглядывая на звёзды, Мишка терпеливо отсчитывал положенное время.

Убедившись, что все сроки вышли, парень легко поднялся и, сделав своим помощникам знак, принялся проверять миномёт. Убедившись, что тот наведён в нужную сторону, Мишка подал команду «заряжай!» и, быстро перекрестившись, проворчал:

– Помогай господи, – после чего резко дёрнул за пусковой шнур.

Мина со свистящим шипением вылетела из ствола и, выбрасывая искры, понеслась к лагерю. Спустя четыре секунды за болотом грохнуло.

– Снаряд, – скомандовал Мишка, бросаясь к миномёту.

Пять мин было выпущено в пулемётном темпе, после чего парень быстро сменил прицел. Вся команда действовала словно единый организм, хотя никакого слаживания не было и в помине. Как потом выяснилось, парни действовали согласно его командам, не рискуя лезть раньше времени. На это Мишкиного авторитета хватало с избытком. Выпустив весь боезапас, они быстро разобрали миномёт и, погрузив его в лодку, принялись ждать пластунов. Словно в ответ на Мишкины мысли, за болотом раздался грохот разрыва гранаты.

* * *

– М-да, Миша, порадовал, – растерянно протянул Владимир Алексеевич, бегло просматривая кучу полученных бумаг. – И ведь как вовремя всё. Мы тут уже все головы сломали, гадаючи, чего от этих бандитов ждать. А ты вон всё на тарелочке преподнес.

Всё это он проговаривал, то и дело бросая на парня непонятные взгляды. Ко всему прочему, казаки, проводившие зачистку, прихватили из разгромленного лагеря и большой железный ящик, в котором хранилась отрядная касса. Без малого двадцать тысяч английских фунтов. Бешеные деньги по местным меркам. А в самой Британии так вообще сумма невообразимая. Это Мишка помнил ещё по собственному прошлому, точнее, по книгам тех времён. Так что контрразведчик вынужден был признать, что выкупить такую сумму сразу не сможет, и попросил парня растянуть это дело на несколько месяцев. Но Мишка, заметив эти взгляды, всё равно насторожился.

– Чего? – спросил он, недоумённо оглядывая себя.

– Да вот думаю, то ли Георгия солдатского тебе хлопотать, а то ли в холодную на пару недель закрыть, чтоб охолонул малость.

– Да что опять не так-то? – не удержавшись, возмутился парень, едва не швырнув о стену стакан с чаем. – Тут стараешься, из шкуры выскакиваешь, чтобы никто ничего понять не мог, и опять не слава богу!

– То, что вы сделали, лично для меня словно манна небесная, – вздохнув, принялся устало пояснять контрразведчик. – Особенно если на эти бумаги глянуть и про пленного вспомнить. А вот в политическом масштабе это называется провокация и неисполнение высочайшего указа.

– Это о каком указе речь? Казакам про непере-хождение границы? – разом успокоившись, иронично уточнил Мишка.

– Об этом самом, – кивнул офицер, моментально сделав стойку.

– Так никакого перехождения и не было. Казаков там вообще не было. И меня не было. И вообще, что там случилось, нам неизвестно. А бумаги, что у вас на столе, вашими оперативными мерами добыты. И пленного у вас тоже нет.

– А в камере у меня кто сидит? – хмыкнул контрразведчик, пряча усмешку.

– Мужик какой-то. Блаженный, похоже. Лепечет незнамо что про какую-то артиллерию, а откуда у казаков артиллерия? Нет её и никогда не было.

– А кто тогда на той стороне лагерь разнёс?

– Какой лагерь? – включил Мишка дурака. – Не знаю ни за какой лагерь. У нас тут пересылка каторжная, а лагерей нету.

– Да уж, с мортирами это вы ловко удумали, шельмы, – не удержавшись, рассмеялся контрразведчик. – Мне и в голову не могло прийти, что её с плота использовать можно.

– Какие мортиры? – снова принялся косить под дурака Мишка.

– Хватит, Михаил. Не получается у тебя дураком казаться. Глаза выдают, – поморщился офицер.

– А что не так с ними? – не понял парень.

– Умные больно и цепкие. Словно даже здесь в кого целишься. Так что давай серьёзно.

– А ежели серьёзно, Владимир Алексеевич, то нас там и вправду не было. Как не было и никакой артиллерии. И я, и все, кто со мной был, на этом стоять твёрдо будут. И кабы не наша с вами договорённость, и бумаг бы этих у вас не было. Про пленного я даже не вспоминаю. В общем, после всех допросов он должен исчезнуть. А что с бумагами делать, это уж вам решать. Никакой границы мы не переходили и никаких мортир никуда не таскали. Да и нет их у казаков. А что лагерь разнесли, так то хунхузы промеж себя чего-то не поделили. У них это бывает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/trofimov_erofey/i-odin-v-tayge-voin

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити